

ДАЛИЯ ВИТТА

ПОСЛАНИЕ К ОБРЕЧЁННЫМ

Даля Витта

Послание к обречённым

«Автор»

2026

Витта Д.

Послание к обречённым / Д. Витта — «Автор», 2026

Одиночество убивает. Иногда оно становится образом жизни, оставляя в душе глубокие шрамы. Пятнадцатилетняя Алиса Кораблёва теряет родителей в автокатастрофе и чудом выживает сама. Однажды к ней является загадочный гость, обещающий исполнить её заветную мечту. Вместе с ним девочка отправляется в подвал старого дома, откуда попадает в завораживающий мир Города. Внешне Город напоминает Петербург, но он – точка на несуществующей карте загробной реальности. Здесь Алиса знакомится с императрицей, проводниками, воинами и оборотнями, совершает дерзкие поступки. Надежда на встречу с родителями, желание отыскать Его, тяга к приключениям – то, что толкает её на долгий и опасный путь. Обретая неожиданных друзей, она становится лидером армии обречённых в битве тысячелетия. Но сбудется ли её мечта?.. Неожиданный финал. В основу книги положены свидетельства реальных пациентов, побывавших за гранью, облечённые в мрачную современную сказку автором, который сам через всё это прошёл.

© Витта Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «ГОРОД»	6
Глава 1. Гость из подвала	6
Глава 2. Нисхождение	10
Глава 3. Башня Бенгала	13
Глава 4. Побег	17
Глава 5. В притоне танатерос	22
Глава 6. Жертва Такаussy	28
Глава 7. Тот, кто предал	34
Глава 8. Оживление Алисы	38
Глава 9. Любовь	42
Глава 10. Его величество Червь	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Далия Витта

Послание к обречённым

Предисловие

Уважаемые читатели!

Перевернув эту страницу, вы откроете для себя удивительный, загадочный, страшный и прекрасный мир, созданный петербургской писательницей Далией Витта. Открою маленький секрет: проза — лишь одна из граней таланта этого незаурядного человека. Далия выражает себя в музыке, в поэзии, в графике и в кино; и везде её творчество самобытно и убедительно.

Книга «Послание к обречённым», как нам представляется, может стать значительным событием в русской прозе XXI века. Произведение, позиционируемое автором как «урбанистическая антисказка» не так-то просто укладывается на полку определенного жанра. Элементы фэнтези здесь причудливо сочетаются с философскими эссе (у Иманта Зиедониса это называется «Эпифании»), автобиографические моменты уживаются с жёсткой откровенной прозой, реминисценции к «Апокалипсису» с отсылками к «Маленькому принцу» Экзюпери — «фьюжн», как сказали бы джазовые музыканты. Путешествие Алисы начинается с питерской коммуналки и перетекает в волшебный Город, где её ждут невероятные приключения, тяжёлые испытания и встречи с разными персонажами, которые помогают ей осознать себя в этой жизни... И не только.

И ещё одна неизбежно возникающая параллель в силу сходства имён главных героев. Вот уже больше ста лет приключения Алисы Льюиса Кэрролла возбуждают умы миллионов читателей. А теперь представьте, что в наше время в Петербурге появился свой Льюис Кэрролл, да еще и в женском обличье, герои книги которого живут в XXI веке со всеми его реалиями и симптомами. Только не нужно воспринимать книгу автора как ремейк на книгу великого английского писателя. Это лишь частная аллюзия, которая возникает при чтении романа.

Такой литературный фьюжн пронизан мощным личностным началом. Не зря эта книга создавалась несколько лет. В результате кропотливой работы ничего необязательного или случайного не осталось в ней. Все её герои — Алиса, Крысолов, Ра-Хана, Урсула, Червь и другие подсмотрены в нашей с вами обыденной, рутинной петербургской жизни (а такую книгу мог написать только житель Петербурга) и раскрашены незаурядной фантазией автора, помноженной на его же эрудицию и — что поражает больше всего — на истинно шаманское врождённое ясновидение.

Ещё один важный момент. Обратите внимание на стиль и на язык повествования. Автор наделен талантом точного, ясного и вместе с тем аристократически изысканного обращения со словом. Настройтесь на волну. Читайте, сопереживайте, примеряйте на себя. И вы наверняка почувствуете другие грани, иные оттенки жизни, о которых раньше вы просто не задумывались

Увлекательного путешествия вам!

Светлана Сурганова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «ГОРОД»

Глава 1. Гость из подвала

Жарким июльским вечером нечем было дышать. Густой пряный воздух вызывал неприятную жажду и мысли о сиесте, хотя солнце уже коснулось горизонта пылающим краем, а сиеста давно закончилась. Люди изнемогали от тяжести застоявшегося, безветренного лета, набухшего, словно грозовая туча — оттого они ходили сгорбленные, унылые и ко всему безразличные. Некоторые совсем не ходили, а только так, ползали, похожие на жирных синих мух. Самих же мух развелось столько, что стаи их дребезжали разбитой пианолой над ушами несчастных прохожих, назойливо ввинчивая им в головы однообразный пошлый мотивчик.

В старом дореволюционном доме на Набережной снова отключили воду. Дом был огромный, агрессивного ядовито-лимонного цвета, недавно вроде как отреставрированный, но, несмотря на это всё же безумно дряхлый; казалось, его возраст отягощал его собственные стены, и они потихоньку рассыпались от ужаса и стыда. Была там на третьем этаже комната в коммунальной квартире, где обои в мелкий синий цветочек сворачивались трубочками, а единственной достойной внимания достопримечательностью было двухметровое квадратное окно без занавесок. Ещё в этой комнате ночами трещал и лопался паркет, и деловито шуршали по углам поджарые тараканы. А ещё там жила Алиса.

«...Кто у меня есть? Никого у меня нет на всём белом свете. Сегодня хозяйка, редкостная мымра и карга, обозвала меня подзаборницей и толкнула в спину. Я так сильно разозлилась на неё, что не удержала равновесие и упала, а теперь на коленке расцветает хищный кровоподтёк, и щеку стягивает мерзкая свежая царапина. Хорошо это? Что ж в этом хорошего: хозяйку закопать бы поглубже заживо, чтобы знала, как толкать без повода в спину, но нет смысла — так я всё равно ничего не добьюсь. Одно слово — сирота. Соседка, божий одуванчик, ходит и подслушивает, а у самой руки трясутся, и я знаю, почему! Она притворяется. Она притворяется сумасшедшей, но на самом деле всё прекрасно слышит и запоминает, докладывая о моём поведении хозяйке. Я видела однажды этих двух дрянных старух на кухне, они сидели, тесно прижавшись друг к другу и шептались, а на лицах у них сияло тупое удовольствие от сплетен и гадких домыслов.

Меня ненавидит застывшая в воздухе жара. Всё остальное кое-как можно перенести, но жару — нет. Она вплывает в мой мозг мыслями о насилии и убийстве, том убийстве, которое я совершала бесчисленное количество раз во сне, но так и не совершила наяву. Ненависть пожирает мне душу, но скажите хоть кто-нибудь: кого я так дьявольски ненавижу, почему слёзы выжигают мои глаза по ночам, почему я задыхаюсь от беззвучного крика и царапаю ногтями стены? Я не виновата в том, что узнала жизнь слишком рано, только никто не поверит ни одному моему слову. Они все зовут меня испорченной, а я хочу стереть их с лица земли за их отвратительные мысли и обывательский образ жизни.

Ночью я снова буду работать, работать, работать, сжимая в жалких пятнадцатилетних объёмах стриженного жирного уroda с толстым кошельком для того, чтобы утром пришёл Фриц и всё отобрал, милостиво кинув мне жалкие копейки, дабы я не подохла с голода.

А, вы тоже? Вы тоже, не притворяйтесь, вы такие же, как мои престарелые девственницы — так же до мозга костей порочны, потому что решили, будто я проститутка. Ха-ха-ха!!! Да будет вам известно: я обнимаюсь по ночам с книжными обложками в типографии, потому что пресс всегда занят, непременно занят какой-нибудь цветной ерундой, а руки быстро устают, если прижимать липкие обложки к картону сверху вниз. Мне приходится сдавливать их у груди

и ждать, пока вялый разбавленный клей схватит шероховатую поверхность. В эти тягучие мутные минуты я думаю лишь о том, что эта бездарь, тот самый урод, возмнивший себя гением, заказал срочный тираж в пять тысяч экземпляров специально для меня, чтобы я страдала от заката до рассвета в типографской клетке. Незримый писательский образ сливается с книгой, аллегорически становится ею, и вот я уже душу не увесистый том, напичканный сальными шутками и скверными гусарскими похождениями, я душу автора, любезно подставившего мне свою бритую пористую шею»...

Единственным утешением Алисы был подпольный личный дневник, который она вела ровно год и собиралась закончить только тогда, когда сбудется её самая заветная мечта. Никто даже не посягал на оборванную тетрадку светло-коричневого цвета, но владелица берегла её, как зеницу ока, постоянно опасаясь, что мерзкие старухи однажды выкрадут это сокровище и предадут кухонному суду. Там были записаны самые откровенные мысли Алисы, но важнее всего была мечта. Она стучалась в виски и разрывала болью страницы, и даже ручная серая крыса Аза, попытавшаяся как-то раз сжевать целый абзац из описания Алисиных желаний, оставила свою неудачную затею, проникнувшись то ли отвращением, то ли благоговением. Однако, скорее всего, ей не понравилась по вкусу бумага. Азу кормить было нечем. Она мужественно голодала, но от девчонки убежать не пыталась, потому что там, за пределами комнаты, её тотчас бы убили старухи.

Алиса обзывала Азу симпатичными уменьшительными именами и по возможности делилась с ней тощими завтраками. Крыса и человек были повязаны одной судьбой. Они вдвоём медленно погибали от истощения, и, кроме того, были беспредельно одиноки.

Позвонил Фриц: проклятый заказ давил, словно могильная плита. Маленькая типография справлялась с трудом, четверо её постоянных работников изнемогали под горами ненавистных голубых книжек, а время неумолимо приближало день, когда тираж надо было сдавать. Ночью в зарешённом окне сырого полуподвального помещения вспыхивал тусклый жёлтый огонёк — это приходила Алиса и начинала вести неравную борьбу с врагом. Она знала, о чём говорит. Она видела его, этого пухлого седого господина, когда тот приходил в первый раз — и ужаснулась, только где-то в глубине её души проскользнула внезапно гнусная гаденькая мысль, а чёртово пространственное воображение нарисовало во всех красках убийственную картину с топором и реками крови. Смелости, именно смелости девчонке как раз и не хватало. Фриц, между прочим, давно это заметил. Он мог бы стать её рыцарем в сияющих доспехах, но его не интересовали отношения. Вообще.

Алиса многое испытала в свои пятнадцать лет. Не раз ей приходилось отвечать за содеянное, однако даже после невинных шалостей расплата не заставляла себя ждать долго. И всегда всё как-то сказочно начиналось, но очень обыденно заканчивалось, с неприятными и мучительными последствиями. Именно последствия тянулись за Алисой, словно шлейф из тончайшего тлеющего шёлка, окутывая полудетскую фигуру незримым облаком деградации. И чем гуще становилось это облако, тем более горьким и осмысленным был взгляд тёмно-серых глаз с зеленоватой сердцевинкой.

«Я продолжаю искать. Хотя не чувствую никакой радости и удовлетворения от одной даже возможности поиска; ну найду, а что дальше? Хотя, если честно, это невозможно — никто ещё не находил человека, о котором имеется самое смутное представление. Он приходил, но я не помню Его лица; на улице этого человека нет, и, наверное, не было никогда. Я гонялась за Его отражением по чердакам и крышам, по переулкам и перекрёсткам, но Он ускользал. Азулька, крысёныш, молчит и тяжело вздыхает; мне кажется, она видела Его и знает, где нужно искать. Хоть бы кто-нибудь пришёл и сказал: иди, Алиса, в подвал, а потом ниже, ещё ниже, по ступеням, скользким и щербатым, иди и не сворачивай».

Вечером двенадцатого июля жара растопила даже стены. Над городом повисли удушливые испарения из открытых канализационных люков, горизонт дрожал неровной прерывистой линией, словно намеревался упасть в обморок. В ободранной комнате с громадным окном отходили, звеня, обои в синий цветочек, и темнели по углам кучки заморенных высохших тараканов. На пыльном стекле, которое пересекала ветвистая трещина, похожая на молнию, играли ослепительные солнечные блики. Алиса валялась на полу, пытаясь догнать исчезающий след прохлады, но паркет немилосердно грелся в световом пятне, начиная как будто даже дымиться. Проклиная все окна, выходящие на Запад, забытая миром девчонка играла в одну очень приятную для воображения игру. Затворница, невольница... Она училась танцевать танец живота, а Он стоял позади и смотрел. Она ловила Его дыхание, слышала, как хрипит воздух в лёгких, натыкаясь на неясную преграду: для неё Он был всегда смертельно болен, бледен и нечеловечески прекрасен. Смысл игры состоял в том, чтобы накалить восприятие до предела и вздрогнуть от Его настоящего, реального прикосновения. Глюкомания — опасное изобретение Алисы, виртуоза изошёренных ментальных действий; трясина медленно засасывала и, в конце концов, дарила несравнимое с чем-либо удовольствие. Она на самом деле чувствовала эти пальцы на своём плече! А потом внезапно и жестоко засыпала.

Вечер клонился к ночи, жара спадала. Алиса, уныло прислонившись к стене, слушала голоса старух, звенящих посудой. На этот раз ей не удалось дожидаться желанного прикосновения прекрасного наблюдателя; то ли концентрация сбилась, то ли Аза помешала крысиной вознёй, но печали из-за этого почему-то не было.

— Какое счастье, что сегодня не надо обниматься с обложками! — громко сказал внутренний голос девчонки, и до неё внезапно дошло ощущение тихой радости от временной свободы. Она встала на четвереньки и медленно поползла в сторону проигрывателя. Пыльная виниловая пластинка звонко затрещала под гнутой иглой, толчками выбрасывая в воздух тягучие звуки блюзовой мелодии.

Воцарился чарующий транс, депрессия, спрятанная мнимым освобождением от бесконечного заказа, новая пронзительно-жуткая игра в глюкоманию. В тот самый момент, когда Алиса, наконец, на несколько секунд застыла в блаженстве, чувствуя невидимую тёплую руку где-то между лопатками, дверь комнаты открылась. На пороге стоял незнакомый человек высокого роста; от него валил пар с откровенным запахом подвала, а в руке шелушился огрызок трубы. «Сантехник», — подумала Алиса, моментально очнувшись от приятных иллюзорных переживаний. Незнакомец равнодушно посмотрел на обительницу комнаты белёсыми выцветшими глазами и сделал пару шагов по направлению к окну. Голос его, внезапно прозвучавший в пустой комнате, оказался неприятно трескучим и словно надломленным по краям:

— Я не сантехник. Я Крысолов. Но твоя крыса мне не нужна. Она, увы, не представляет для меня антикварного интереса.

Алиса остолбенела. Откуда здесь появился этот чудак? Тем более, словосочетание «антикварная крыса» повергло её в глубокий шок.

— Такого не бывает, — решительно заявила она, подходя ближе к незваному гостю, но тот брезгливо отстранился и надменно произнёс:

— Ещё как бывает. Не знаешь — не говори, а то станешь такой же, как я. И вообще, ты ведь о Нём думала? Ну и думай себе дальше, я вот взял и пришёл по приказу, как человек подневольный.

И несговорчивый Крысолов с противным скрежетом откусил кусок ржавой трубы, меланхолично двигая при этом челюстями. Он жевал долго и упорно, потом шумно причмокнул и проглотил. Его некрасивое лицо преобразилось, но только на мгновение; и хотя Алиса всё равно ничего не поняла, он шагнул ей навстречу, положил ей руку на плечо, чтобы она не сомневалась в его Крысоловском реальном существовании, и сказал:

— Иди, девочка, в подвал, а потом ниже, ещё ниже, по ступеням, скользким и шербатым, иди и не сворачивай, а потом увидишь, что будет дальше.

Глава 2. Нисхождение

— Одна я никуда не пойду! — мрачно заявила Алиса, с категорическим видом усевшись на пол, хотя её сердце забилося в груди гулко и часто от вымышленных слов, услышанных наяву. У неё были все основания не доверять этой странной личности, чьё прозвище мало походило на имя порядочного человека. К тому же девочка подозревала, что явление странного гостя может быть следствием её фантастической игры, а значит, оно нисколько не отличается от обычной галлюцинации. Крысолов тяжело вздохнул и сгорбился, будто неприязнь, витающая в комнате, мгновенно высосала из него все силы. Казалось, он расстроен до глубины души. В его мутновато-сизых глазах едва заметной искрой промелькнул огонёк раздражения и любопытства, но эта спонтанная вспышка интереса к другому живому существу сгинула моментально, как исчезает в Неве утопленник. Вода просто слизывает его широким мокрым языком и всё.

— Удивительная тупость, — грубо заметил Крысолов, подходя к легендарному окну и презрительно сплёвывая с высоты третьего этажа.

— Ей предлагают путешествие, равное по своему масштабу только рождению или смерти, посылают меня в проводники, а она, видите ли, смеет сомневаться в моей скромной персоне! Да кто же тебя отпустит туда одну!

Алиса мгновенно догадалась, что Крысолов нарочно сердится, чтобы у неё не осталось выбора. Тут же перед глазами всплыли тщательно скрываемые воспоминания о том времени, когда Алису никто не мог обозвать или обидеть, потому что были живы родители. Девочка в розовых очках, в белом платье с пышными кружевами и с вечным мороженым, тающим прямо в руках. Вечным, потому что так было всегда, ровно до того момента, когда прекрасная леденцовая жизнь перевернулась вверх тормашками в свободном падении машины с моста. И когда бездыханную Алису успели вытащить вовремя, потому что за шесть километров до аварии она, словно по наитию, накрутила на безликую чёрную пластмассовую ручку — до конца — боковое стекло старенькой иномарки.

Выбора не было. Иллюзорные игры и ночные вызовы в типографию превратили жизнь в существование, а существование в прозябание и отчаянную борьбу за каждое новое утро. Крысолов был тысячу раз прав.

— Я согласна, Крыс. Ты ужалил меня в самую больную точку, но ты имеешь на это полное право, хотя мне и не нравится твоя дурацкая манера жевать ржавые трубы.

— Я исчезну, Аленька, если перестану так делать здесь, наверху.

Что?! Как он назвал её?! Задышавшись от безумной догадки, которая молнией поразила её воспалённый подростковый мозг, Алиса вдруг бросилась ему на шею с разбега, слепо уткнувшись в лацканы пыльного пальто, сцепив пальцы у него за спиной и не сдерживая внезапных рыданий.

— Признайся, признайся, пожалуйста, скажи, что ты — это Он, скажи мне, ведь правда, ты — это Он?!

Крысолов с силой прижал её к себе, зарываясь длинным острым носом в её пушистые чёрные волосы, бормоча дрогнувшим голосом:

— Нет, милая девочка, Он далеко, а я нигде, то здесь, то там; меня прислали к тебе для того, чтобы показать дорогу, самую короткую и прямую дорогу в Город.

— Значит Он в Городе? — прошептала Алиса, вытирая слёзы и постепенно приходя в себя. Она не знала и не видела никаких других городов, кроме Санкт-Петербурга, но что имел в виду Крысолов? Хотя ей сейчас было настолько всё равно, что даже если бы он сказал, что Город, в котором прячется исполнение всех её желаний, находится где-то на звезде Антарес — она бы не раздумывая бросилась бежать по млечному Пути до самого созвездия Скорпиона.

Крысолов не ответил на последний вопрос. Внезапно на него нашло странное восторженное оцепенение. Оно выбило из ослабевших пальцев незваного гостя остаток наполовину съеденной трубы и повалило высокого и крепкого мужчину на паркет, где он и остался лежать, бессмысленно улыбаясь. Алиса сначала испугалась; потом страх прошёл. В конце концов, она тоже легла и, свернувшись калачиком, принялась громко и обиженно дышать. Приступ окаменевшего восторга длился не меньше часа. За это время Алиса успела три раза передумать и три раза рассердиться по поводу услышанного. Но в итоге она всё же прониклась к лежащему рядом существу солидарностью и доверием. Он ведь так же, как и она, был абсолютно одинок и так же остро нуждался в ком-то другом.

«... Часто мне кажется, что я ненастоящая. Просто не может быть настоящим этот пронзительный ужас, который постоянно меня окружает. Давящее чувство безысходной тоски просто уничтожает меня изнутри. Иногда мне очень хочется пустить свою жизнь под откос, чтобы было не жалко, чтобы всё быстро кончилось. Спросите тех врачей, которые спасли мою идиотскую жизнь: зачем?! Я похожа на зеркало, в которое кто-то от бессильной злобы со всего размаха кинул тяжёлую хрустальную вазу. Зеркало раскрасилось трещинами и стало отражать само себя, точно так же, как и я: теперь я вся в трещинах. А ещё мне постоянно снится метро и берег какого-то печального серого моря. Что я там делаю? Что я здесь делаю?»

Крысолов ни с того ни с сего тяжело вздохнул и медленно поднялся с пола, качаясь, словно парусник, потерявший мачту во время шторма.

— Где твои родители? — вдруг спросил он всё таким же тёплым голосом, от которого у Алисы мурашки пробежали по спине.

— Погибли, — коротко ответила она, пытаясь противостоять ураганному вихрю воспоминаний. Погибли, бывает. Зачем задавать такие вопросы? Алиса была уверена на сто процентов, что Крысолов знал о ней абсолютно всё.

И тогда незнакомец из подвала, где сопели доисторические коммуникации, где озверевшие голодные крысы, точно такие же, как Азуля, но в сто раз более несчастные за неимением хозяина, бегали и шуршали острыми загнутыми коготками, этот незнакомец, охотящийся за антикварными тварями, вдруг открыл дверь в коридор нараспашку. Он сделал это таким натренированным и автоматическим жестом, будто всю жизнь ютился в подобной коммуналке.

— Пойдём, нам пора.

Бережно, почти что нежно, Крысолов посадил тихо пискнувшую Азу в свой широкий карман, оборванный по краям, и, улыбнувшись, поклонился Алисе, как королеве. Ручная крыса хмуро выглянула из недр пропахшего плесенью кармана и неодобрительно посмотрела на хозяйку, словно та совершила предательство. Алиса упрямо поджала губы и без единого звука выскользнула в коридор. Ей казалось, что над ней издевается её собственная фантазия. Вот спустится она вниз по лестнице, обернётся, а за спиной повиснет досадная пустота. И ни Города тебе со всеми его безграничными возможностями, ни Крысолова, только одна головная боль и надоевшие до тошноты мысли о никому не нужном завтрашнем дне.

— А вот не надо так думать! — сурово заметил Алисин проводник прямо ей в спину.

— А надо было сразу признаться, что ты умеешь читать мысли! — дерзко огрызнулась девчонка. Спустя миг она мчалась по щербатым ступеням, ловя обострённым слухом эхо остервенело хлопнувшей входной двери, и за руку её жестоко тянул Крысолов, перемалывая грубыми огромными сапогами по три ступени сразу, словно ноги у него были металлические.

«Старые ведьмы наверняка обрадовались моему исчезновению! Они, пожалуй, подождут недельку и сдадут мою комнату ко всем чертям. Флаг им в руки: рвать прошлое надо без надежды на возвращение. Сегодня второй день моего пребывания в Городе, сижу на обочине и пишу вот этот дневник. По телу течёт приторный местный воздух, я всасываю его вместо еды и воды, и теряю голову, и совсем не хочу возвращаться. Никогда».

Паутина, сырость, вонь крысиных испражнений, хлопанье и журчанье, сквозняки, запутанные лабиринты. Вот, собственно, и все прелести подвала дома на набережной; честно говоря, Алиса даже смутно не могла представить себе, как отсюда можно было попасть в другое измерение, именуемое Городом.

— Крыс, а скажи: у вас там все так по-дурацки называются, как ты, или у кого-то всё же есть нормальные человеческие имена?

Силуэт идущего впереди Крысолова скорбно дёрнулся, но ответа не последовало. «Тьфу ты», — Алиса, — «какой принципиальный». Она уверенно шла на звук шагов и на запах металла, исходивший от пальто нового друга, хотя ни одного источника света в подвале не наблюдалось. Спустя двадцать минут девочка демонстративно остановилась. Шаги Крысолова моментально стихли.

— Объясни, наконец, сколько нам ещё идти? У меня такое ощущение, что мы ходим кругами по этому жуткому подвалу. Может быть, ты вообще маньяк какой-нибудь? Зарежешь меня и бросишь в протухшей стоячей воде. И никто меня не найдёт.

— Дура, — грустно произнёс Крысолов, — ты облила меня словесной грязью всего лишь от страха, но за это тебя можно простить. Первый раз тоже вывел меня из себя. И не вздумай убегать или доставать из кармана зажигалку, всё равно уже поздно.

Алиса, вскинув тонкие брови до самой чёлки, медленно разжала пальцы и вынула руку из кармана. Она начинала уставать от переизбытка впечатлений, и потому следующий отрезок пути, несоизмеримо более долгий, прошла тихо и послушно, никуда не отвлекаясь по дороге и не высказывая вслух язвительных замечаний. Наконец, Крысолов остановился:

— Обними меня, девочка, больше я тебя здесь не поведу.

Обессиленная Алиса снова сцепила худые руки за спиной проводника; влажная темнота клубилась вокруг, раскрывая и складывая мягкие крылья.

— А в Городе красиво? — спросила Алиса наобум, хотя она хотела не спросить, а попросить об одной вещи, но Крысолов — вы же знаете — умел читать мысли.

«Когда он поцеловал меня, я закрыла глаза, что непозволительно, не влюбилась же я в него на самом деле. Никогда не закрываю глаза. Фриц как-то говорил мне, что я холодная и злая, и с моралью у меня беда, но как же далеко это от правды!»

— Всё, уже всё, остановись!

Алиса глубоко вздохнула и открыла глаза. После чего снова их зажмурила, обхватив голову так, как это делают люди, поспешно убегающие от неумолимо надвигающегося несчастья. Он был смертельно болен, бледен и нечеловечески прекрасен. Болезнь буквально пронизывала каждую линию, каждый изгиб его причудливого тела. Бледный лиловый свет нехотя переливался через края чашеобразных фонарей, чьи бесконечные цепи, пересекаясь, убегали во все четыре стороны. Его красота убивала прямо на месте — Алиса, бедная Алиса, неужели ты не узнала это место, ворота в твой любимый мир, куда ты неоднократно проваливалась во снах по ночам и во время своих одиноких печальных игр?

Крысолов отошёл подальше и широким отеческим жестом попытался охватить оглушающую красоту раскинувшегося вокруг мегаполиса.

— Добро пожаловать в Город! — сказал он и засмеялся.

Глава 3. Башня Бенгала

«Я могла бы быть известной, уставшей от всего личностью. Бесконечные променады по магазинам, ленивые взгляды из-под тяжёлых век, испепеляющая вседозволенность, которая уже не греет. Подобострастные улыбки продавщиц, девушек ничего-себе-но-не-высший-класс. Какая разница, сколько стоит этот кусок тряпки, оформленной под навороченное модное платье? Когда говоришь «сдачи не надо», а в это время кассир обалдело прячет по карманам чайные, равные месячной зарплате? О, я всё это проходила мысленно, пусть понарошку, но мои видения гораздо сильнее иных настоящих событий. Господа, кому нужны известность и богатство без счастья? Иду, фланирую по Пассажу, словно заблудившийся вертолёт, а в сердце такая зверская пустота, что хочется быть прямо тут, в Пассаже. Потерянный, сбившийся с курса вертолёт, который давно забыл, что такое тепло человеческих объятий. Злой, нехороший, обречённый вертолёт».

Алиса пришла в себя только тогда, когда Крысолов показал пальцем куда-то вверх, положив широкую жёсткую ладонь ей на шею.

— Смотри, только не упади. Пора бы уже привыкнуть к местному воздуху, дорогуша!

Девчонка потрясла головой, потёрла виски и фыркнула, словно лошадь, в ноздри которой забились мелкая пряная сечка. Мимо неё неторопливо проплыла странная процессия из пяти мужчин в длинных арабских одеждах. На головах у этих загадочных аборигенов красовались непропорционально большие тюрбаны глубокого фиолетового цвета, руки почему-то были обмотаны чёрными бинтами, а глаза искрились свирепой сосредоточенностью.

— Кто это, Крыс? Я их боюсь.

— Местная полиция нравов. Ты уж только не думай, пожалуйста, что Город абсолютно свободная территория, здесь далеко не всё позволено, хотя...

«Ну и зачем тогда мне Город, если здесь не всё позволено!» — надулась Алиса, хотя виду не подавала. Она постепенно привыкала к мысли, что никогда не вернётся назад, в коммуналку, а ещё пыталась привыкнуть к тому, что Город не является плодом её болезненного воображения. Это было реальное, огромное, осязаемое всеми органами чувств пространство, лишённое нормальной логики.

А где-то далеко впереди, за переплетениями неведомых перекрёстков, Алису ждал Он. Вера в Него была непоколебима и свята. Поэтому к чёрту полицию нравов вместе с бешеной реанимацией, которая вон, только что промчалась мимо, мигая синим вертящимся крестом. «Почему крест синий?» — успела подумать девчонка, но Крысолов внезапно щёлкнул её по носу, и пребольно.

— За что?!

Несостоявшийся сантехник стал меняться прямо на глазах; видимо, щелчком он призвал Алису к обострению внимания.

Выцветшие рыжие космы разгладились и приобрели живой цвет спелой ржи, опускаясь ниже плеч ровными волнами. Сизый мутный взгляд резко прояснился и потемнел. Теперь с белого вытянутого лица за девчонкой пристально наблюдали карие круглые глаза, светящиеся удивительной мудростью и силой. Алиса остановилась, припомнив поцелуй в подвале, и, терпеливо дождавшись окончания метаморфоз проводника, скептически хмыкнула:

— Надеешься меня покорить всем этим?

Крысолов отрицательно покачал головой и упрямо указал пальцем в небо, куда-то за спину подопечной. Той ничего не оставалось, как оглянуться.

«...Вы когда-нибудь видели дворец, висящий на высоте километра над земной поверхностью? Не такой, как в сказке про Щелкунчика — марципановый, пёстренький, а какой-то тёмный, цельный, словно из одного куска скалы вырубленный. То и поражает, что такая махина

может порхать в воздухе без единой опоры, не считая хлипкой винтовой лесенки. Лесенка ленточкой спускается вниз, словно из причёски какой-нибудь средневековой дамы, но в том-то и дело, что выглядит это просто обворожительно! И до чёртиков жутко».

Алиса привычно уселась на землю и стала смотреть. Постепенно до неё начало доходить, что Крысолов не зря привёл её именно сюда. И что придётся ей, как гимнастке в цирке, по этой шатающейся лесенке карабкаться целый километр в свинцовые тучи, коими неприступный дворец был окружён.

— Попробуй только сказать, что мы туда полезем, и я тебе кровный враг, — уныло произнесла Алиса, медленно поднимаясь с земли и отряхивая с себя продолговатые бирюзовые листья.

Крысолов мечтательно зажмурился и потянулся так, что хрустнули кости, причём звук этот больше напоминал металлический скрежет, чем хруст. Потом глаза его распахнулись, как ставни заколоченного окна, и, подойдя к Алисе вплотную, он сипло процедил сквозь зубы:

— Ещё одно слово, и я тебя верну к твоим старухам.

В груди Алисы что-то взорвалось. Изнемогающие нервы опять не выдержали, но теперь территория была другой: желанной и неизвестной. Бежать отсюда, бежать, куда глаза глядят, ненавижу, ненавижу тебя!

Впереди мерцала бирюзовыми листьями аллея из несуществующих там, в Питере, деревьев, теряя во мраке своё завершение. А может она и вовсе была бесконечной, эта аллея, но по ней можно было убежать. Алиса рванула в сумерки; ух, как давно она так не бегала, точнее, не спасалась! Гравий под ногами казался удивительно мягким, а порывы ветра, срывая с деревьев гроздь мелких сухих плодов, проносились мимо, не задевая Алису, но обдавая её приторным густым запахом, похожим на патоку. «Это плоды или цветы?» — думала девчонка, умудряясь по пути разглядывать то, что вкрадчиво шелестело у неё под ногами.

Внезапно аллея оборвалась, а впереди раскинулось ровное тёмное поле. Посреди него возвышалось грациозное и одновременно грандиозное основание лестницы, той самой, которая издавна напоминала хвостик ленточки. При ближайшем рассмотрении лестница оказалась прочной, довольно широкой и в самом деле винтовой. Алиса с опаской сделала пару шагов и чуть не упала. Скользкие ступени шатались под ногами, не желая её слушаться.

— Отлично! — воскликнула пленница собственной глупости и буквально рухнула в сочную ароматную грязь. Значит, без Крысолова она ни на что не способна. Нужно же было тащить её в Город, если Город издевается и не принимает её, как самостоятельную человеческую единицу!

«Дождь там, за окном, а здесь сижу я и схожу с ума. Опять мне кажется, что кружится моя голова, да; думаю словами застрявшей в мозгу дурацкой песни, дожили. Песня жжёт, плавит кожу, кричит о тебе, а тебя нет, нет, нет, ты где-то, но опять без меня, с кем угодно, но не со мной! Неужели так трудно позвонить?! Звонили все, звонили друзья, хотя у меня нет друзей, звонили враги, и на том им спасибо, звонил Фриц и нёс что-то про своё очередное горное восхождение, а ты не звонил. На расстоянии десяти километров ты живёшь, я знаю, я там была, и видит небо — без раздумий бы стёрла эти ненавистные километры! Сижу, схожу с ума, кричу, но кому это надо? Кому я вообще нужна»?!

Шею Алисы защекотал внезапный дождь. Её начинало знобить, но встать она не собиралась исключительно из-за вредности своего характера. Она не могла ни плакать, ни смеяться, все реакции словно отбило. Это состояние было похоже на знакомое, ещё не забытое отчаяние, когда от неё ушёл первый любимый человек.

— Да перестань ты страдать, — звучно произнёс кто-то прямо в её ухо; и Алису буквально ударило током от этого голоса. Она возмущённо вскочила с земли, сжимая кулаки, но драки не последовало. Существо, которое смотрело на неё, переминаясь с ноги на ногу на нижней ступеньке лестницы, было достойно и жалости, и восхищения одновременно. Так, веро-

ятно, выглядел бы последний из оставшихся в живых после ядерного взрыва. Ну, или должен был так выглядеть.

Узловатая кожа в мелких бугорках, местами затянутая маслянистой липкой плёнкой, многократно переломанные кости на руках и ногах, болезненно распухшие суставы, остатки шерсти — а может, волос — на большой круглой голове. И при всём этом, узкая треугольная мордочка и огромные, переменчивого цвета глаза. «Зубов нет», — отметила про себя Алиса. Её вдруг передёрнуло от ужаса, но существо выглядело дружелюбно. Поэтому девчонка подошла поближе к ступеням.

— Тебя что, ластиком стирали? — поинтересовалась она у возникшего на её пути чудика.

Вопрос причинил бедному созданию неимоверную боль. Оно скрючилось так, будто его вдруг опалили беспощадным пламенем с ног до головы. Алисе стало невыносимо жаль его, и она попыталась погладить несчастного по спине. На удивление, ощущение было скорее приятным, чем противным, хотя ладонь Алисы осталась после этого эксперимента липкой и холодной.

— Меня стирали, да. Но не стёрли. Никогда больше не вспоминай.

Существо проворно прыгнуло на следующую ступеньку и протянуло девчонке руку, приглашая начать восхождение. Задрав голову, Алиса закачалась.

— Тошнит меня от такой высоты, понимаешь? — жалобно пояснила она.

— Глаза не закрывай, вниз не смотри, только вверх, — неожиданно строго сказало создание, и, схватив упирающуюся Алису за руку, потащило её далеко и высоко.

«Меня Крысолов в подвал тащил, как куклу, теперь этот вот ущербный тащит. Что ж они все мной распоряжаются? Кто им право дал? А может, я не хочу!» — упрямо бубнил один внутренний голос запыхавшейся Алисы. А другой голос, более взрослый и почему-то мужской, объяснил: «тебя тут никто не спросит, хочешь ты или нет. Это Город, исполнение всех твоих желаний, так что надо потерпеть, а потом будешь свободна».

Километр ступенек был преодолён очень быстро, причём Алисе удалось ни разу не посмотреть вниз и не споткнуться. Лестница закончилась, перейдя в широкую площадку, выложенную мозаикой в шахматном порядке. Черно-белые плиты с вкраплениями цветной блестящей слюды напоминали девчонке, опять-таки, средневековые. Во всяком случае, здесь было уже безопасно, а значит, можно было расслабиться и вздохнуть спокойно. Существо, выполнив назначенное кем-то задание, тихо удалилось, и Алиса на краткий миг осталась в полном одиночестве. Её клонило в сон, но интерес к происходящему перевешивал; подойдя к низенькому бортику, гостя осторожно заглянула за него. Вокруг клубились тяжёлые грозовые тучи, скрывая землю морозящей пеленой дождя. Из-за этих туч стало грустно, но не страшно. Пожалуй, тут даже хотелось остаться.

— Вот только бы Крысолова больше никогда не видеть, — обиженно произнесла вслух сокровенную мысль Алиса — и тут же получила наказание в виде подкравшегося со спины Крысолова. Он переоделся в приличный наряд и выглядел если даже не импозантно, то весьма представительно. Девчонка аж подпрыгнула от неожиданности.

— Не ожидала? Я решил, что Эрман лучше справится с восхождением, чем я. Он живёт на лестнице уже не один десяток лет.

«...Эр-Ман. Ударение на «А». Одухотворённая жертва радиации. Я сейчас у танатерос и меня мучает его отсутствие. В лабиринтах он мерещится мне, а дикие мысли о чувстве вины роются вокруг. Разве мы похожи с ним? Чем мы можем быть похожи? Вы ещё не знаете, что это за притон и как я сюда попала, но не буду забегать вперёд. Суровое благополучие парящего в облаках оплота высших сил послано к дьяволу, вместо него — сладкий дурман спрятанной от любопытных глаз комнаты, забитой дымом до самого потолка. Я не расстаюсь со своим дневником, умудряясь писать скрюченными пальцами, руки дрожат, но должен же кто-то прочитать это. Вы не были на самом дне? Так я говорю вам: это ещё далеко не дно».

Алиса сильно расстроилась — вот посмотрела на Крысолова и расстроилась. Зря она так разгневалась на него, ведь он действительно хорошо выполнил задание, как опытный проводник. Никто не приводил её сюда раньше, а он привёл. Ей от души захотелось извиниться:

— Прости меня, я плохо поступила.

Но Крысолов совершенно её не слушал; внезапно он вытянулся по струнке, как военный, и отдал честь фигуре, чей силуэт осветился мягкими голубоватыми лучами. Фигура выплыла из ниши в стене, из проёма, задрапированного чёрными портьерами с налётом серебряных нитей. «Женщина. Высокая. Молодая. Седая. В лиловом платье — полиция нравов?»

— Императрица Ра-Хана, — представилась царственная незнакомка. Алиса преклонила колено, и увидела надпись из сапфиров, бегущую по плитам: «Башня Бенгала. Единое мировое время».

Глава 4. Побег

Дворец за спиной императрицы действительно напоминал башню, причудливо сочетая в себе строгость и аристократичность истинно королевской постройки. Ра-Хана, сиятельная правительница Города, неторопливо подошла к Алисе, вытягивая ступни вперёд и разворачивая носки наружу, как это обычно делают балерины. Её прикосновение было очень сильным, хотя рука, промелькнувшая перед носом гостьи, показалась на вид тоненькой веточкой. Сознание Алисы плыло, будто её незаметно накормили снотворным. Крысолов фланировал по мозаичной площадке с безапелляционной уверенностью, грациозно стряхивая с тёмного пиджака несуществующие пылинки.

«Он, наверное, живёт в Башне», — отметила девчонка, пытаясь отогнать чары, но ей это плохо удавалось. Спустя некоторое время плотная завеса сна отключила Алисино восприятие, и она беспомощно рухнула в странные видения.

«Луна и солнце сошлись вместе на одной стороне небес. Созвездия закружились в медленном танго, превращаясь в огромную сияющую гроздь, заполняя собой всю вселенную. Что они тогда со мной сделали? Зачем я убежала из вечного рая, заключённого в защищённое замкнутое пространство? Крысолов был прекрасен: его волосы развевались, как флаги народа-победителя, а глаза сверкали ярче всех чудес мира. Императрица склонилась надо мной, и тут же горячие слёзы прочертили бороздки на моих щеках. Неужели я, одинокая потерянная отщепенка, могла плакать светлыми добрыми слезами после всех гадостей, совершённых мною сознательно или случайно?»

Ха! Алиса с нажимом зачеркнула жирным красным фломастером только что прочитанную страницу и повернулась к Ра-Хане.

— Полная чушь! — заявила она, сидя на чёрном кожаном диване и демонстративно болтая ногами в стоптанных тупоносых ботинках. Сейчас это был уже не сон, а реальность; вопрос только, какая именно.

— Всё совершённое мною никогда не было никакой случайностью, это раз, а два — сказочки для малолетних пусть читает кто-нибудь другой.

Ра-Хана пожала плечами и сползла со своего просторного ложа на белую мраморную плитку. Теперь она выглядела иначе: всего лет на пять старше Алисы, капризные черты лица, лёгкая проседь в чёрных густых волосах, изящная фигурка и умопомрачительно длинные пальцы на дистрофических руках. Дочка людоедки-разбойницы, фарфоровая статуэтка. Её лиловое платье улетучилось, как дым. Вместо него появился брезентовый комбинезон, напоминающий рабочую робу. Императрица сидела и тихо играла сапфирами различной величины, которые кто-то небрежно рассыпал по полу. Алиса наблюдала за её изысками с интересом. Ощущение лёгкого оглушения осталось, но сейчас мысли текли свободным потоком, не задерживаясь долго на одном и том же.

— Зачем тебе драгоценные камни? — осторожно спросила Алиса.

Ра-Хана задумчиво взглянула на потолок; взгляд её застыл, прикованный к невидимой точке. Алиса повторила собственными глазами траекторию этого удивительного взгляда и оторопела: на потолке сидел Эрман. Он напоминал большую спящую летучую мышь; жалкая шёрстка свешивалась с головы и шевелилась на сквозняке, как полевой ковыль.

— Он упадёт, — заметила Алиса, наблюдая за вздрагивающим и качающимся существом, но Ра-Хана решительным жестом призвала девчонку к молчанию. У её ног горел ровным синим пламенем сапфировый круг идеальной формы, куда правительница Города пригласила свою гостью. Алиса вздрогнула и аккуратно, чтобы не задеть ни одного камешка, переступила через черту. Ей тут же стало тревожно на сердце, захотелось снова прижаться к плечу Крысолова

и успокоиться, но предатель-Крысолов, подмигивая висящему Эрману, уже задвигал за собой бархатные портьеры. Спустя миг проводник исчез на террасе.

«...Между нами постоянно дует какой-то бесконечный ветер. Он гладит меня, обволакивает, но не даёт подойти ближе. Из-за этого чувствуешь себя отвратительно, просто слов нет, только надо терпеть и делать вид, что всё в порядке. Безобразные приличия! Я устала от расстояний, разделивших нас, даже если эти расстояния ничтожны. Когда-нибудь перестанет проклятый ветер пополам с холодом донимать меня»?

Алиса, пронзённая внезапной безысходностью, разрыдалась прямо на груди у Ра-Ханы, вытирая слёзы её густыми волосами, наскоро заплетёнными в рыхлую косу. Родители всегда говорили, что её бросает из одной крайности в другую — что ж, такова её внутренняя суть. Старухи, например, чуть не на стены вешались от ужаса, когда Алиса полностью проходила свою эмоциональную шкалу за полчаса, воя волком на всю квартиру! Они с ума сходили, зажимая уши кулаками, и пытались понять, что же такое происходило с их слетевшей с катушек подопечной. А она в это время умирала от тоски — и все её вокальные излишества были ничем иным, как воплями боли. Агония, бег по стёклам, по дороге, которая ведёт в пустоту.

Ра-Хана внимательно взглянула на Алису в тот момент, когда чёрные мысли последней вились в воздухе с едва заметным электрическим потрескиванием.

— Перестань устраивать наводнение, — устало произнесла правительница самого странного из Городов на свете, рассеянно поглаживая гостью по голове мягкой ладонью.

— Ты мне всю Башню затопишь своим негативом. Сиди и слушай лучше историю о вечной любви.

История о вечной любви, рассказанная Ра-Ханой

— Так вот, — начала императрица, успокаивая Алису, словно дрожащего котёнка.

— Запомни: ты никогда не услышишь от меня ни лжи, ни фальши, только одну правду и ничего, кроме правды. Всё началось не так уж и давно, всего пару десятков лет назад, но это было за пределами Города, само собой разумеется. Жила-была на свете одна девушка, окружённая лаской, почётом и восхищением окружающих. Всё в ней было неправильно: черты лица, образ жизни, характер, но это никого не шокировало и не смущало. Люди любили её за непохожесть на сотни других блондинок того же возраста. Была у этой особенной девицы одна беда: она не знала, что на свете существует счастливая любовь. Ну, конечно, грех не сказать, что от поклонников она уставала настолько, что строила их по вечерам в шеренгу перед собственным подъездом, заставляла рассчитывать на «первый-второй» и выгоняла одного прочь, а потом уводила домой того, кто выбывал последним. Но самой занятной игрой для неё стала вот такая: встанет ночью, позвонит своим самым преданным фанатам, сорвёт их ангельским голосом с тёплых кроватей, а потом играет с ними в жестокие прятки. Проигравших она ликвидировала очень спокойно, чаще холодным оружием, и на губах при этом у неё блуждала лунная такая улыбка, как у Джоконы. На следующий день все знали о кровавых развлечениях ледяной светловолосой леди, знали, но летели к ней, как мотыльки на огонь.

— Она искала среди них такого же особенного, а они были обыкновенные? — уточнила Алиса, прищурившись, и тут же попыталась представить себя на месте роковой женщины.

— В том-то и дело. Для неё поиск истинной любви стал бесконечной цепью сильных ощущений, от жгучего желания с первой секунды знакомства до последней секунды, когда жертва сама подставляла шею под нож. С каждым днём печаль по-настоящему, искреннему сердечному чувству пожирала её рассудок, и ночные буйства становились всё более изощрёнными. Но однажды...

Ра-Хана не успела договорить, за её прямой балетной спиной раздался глухой шум и стук падения. Сидящая рядом с императрицей девчонка вскрикнула от неожиданности: Эрман грустно распластался на мозаичном полу, растирая ушибленную ногу с виноватой гримасой.

— Сто лет не падал! — доверительно сообщил он, обращаясь исключительно к Алисе, так как она переживала сейчас за его судьбу больше, чем императрица.

— Ну так иди теперь за чаем! — сердито вскрикнула Ра-Хана и легонько шлёпнула опростоловшившееся создание по липкой спине. Эрман испарился в момент, будто его и не было. Алиса задержала дыхание на пять секунд и, резко выдохнув, решила, что Эрмана вообще нет. «Его нет. Это галлюцинация, которую мы видим одновременно. Но он отлично знает, когда нужно вовремя исчезнуть. Кто-нибудь мне скажет — он бывший человек или какой-нибудь мутант?» Алиса вдруг представила фосфоресцирующие туманы далёкого заражённого побережья, услышала надорванный гудок баржи, забирающей последнюю порцию искалеченных бродяг с острова. Откуда она взяла, что это был туманный остров, с которого Эрман успел сбежать в обществе себе подобных? «Наваждение Города», — подумала Алиса, и, стряхнув с себя пелену ненужных догадок, знаком поторопила императрицу. Ра-Хана продолжила:

— Но однажды она встретила его. Он был зол, как вожак волчьей стаи, и он невзлюбил её сразу, как только увидел. А беспощадную блондинку словно током ударило и точно так же замкнуло на ненависти к нему. Почти год они дрались, оставляя в телах друг друга глубокие раны, расставаясь только по ночам. Он ехал в одинокую квартиру готовить себе скудный завтрак на утро, а она, истекая желчью, отправлялась срывать остатки гнева на новых фанатах-мотыльках. Спустя год девица пришла к нему домой со своими немногочисленными пожитками, и, ударив своего мучителя с размаху по щеке, разрыдалась. Это было начало той самой желанной вечной любви. Убийства поклонников прекратились. Он назвал её Декабристкой за то, что она бросила всё ради него и ради чувства, поработившего её душу и разум, а она окрестила его Мастером, сравнивая себя с Маргаритой.

Только рано или поздно приходит конец даже самой сильной любви — я имею в виду земную любовь, разумеется. Так случилось и с ними.

— Ну да, конечно, кто-то кого-то бросил и дело с концом! — протянула Алиса сдавленным голосом, пытаясь подражать интонациям Эрмана; но у неё плохо получилось. Внезапно утратив внимание к истории, гостя со скептическим видом направилась к бархатному занавесу с единственной целью найти Крысолова, однако Ра-Хана не позволила ей совершить задуманное.

— Я ещё не закончила, — сурово произнесла императрица. Алиса только успела выглянуть за портьеры и убедиться, что Крысолова там нет. Грозовые тучи цвета мокрого асфальта наплывали на бортик мозаичной площадки, темнея с каждой секундой. Казалось, что ещё чуть-чуть, и над Городом грянет умопомрачительная буря. В этом случае история о вечной любви казалась намного более привлекательной, чем перспектива оказаться в эпицентре стихийного бедствия.

— Прости, я по Крысу соскучилась, — честно призналась Алиса и вернулась в синий сапфировый круг. Ра-Хана молчала.

«Голос был очень глухой и с плохой дикцией, но зато он рассказал всё до конца. Сентябрьским дождливым днём Мастер исчез. Он не позвонил и не вернулся домой с работы, а когда Декабристка стала искать его, то ни один из его друзей не смог ответить, куда мог запропасться этот нелюдимый мрачный человек, ведь у него было так мало друзей! Она не теряла надежды, хотя время шло, и даже надежда начала медленно остывать, а она всё искала и искала своего любимого. Наконец, Декабристка нашла след, который почти стёрся, но всё-таки это был след. В его записной книжке, где между страницами уже завелась пыль, обнаружился длинный номер телефона, записанный поблёкшей чёрной тушью. И кажется, этот номер мог пролить свет на неприятную тайну. Страница, хранящая его как мать, носящая во чреве ребёнка,

датировалась одиннадцатым сентября. Двенадцатого Мастер пропал. Декабристка собралась с силами и набрала непонятный длинный номер, боясь наткнуться в ответ на тишину. Но вместо безликого шороха в трубке она услышала, как ей чётко назвали координаты того самого места, куда её звал долг вечной любви. А ты можешь себе представить, как можно дойти до Города без проводника, без карты, без ясного видения параллельных измерений и хорошо развитой интуиции! Дойти до того, чего... Ну, об этом не будем.

Тысячи вёрст дороги. Одиночество и тишина, и бесплотные жертвы, словно добровольная армия оживших фотоснимков. Она шла босиком по острым камням, по болотам и неведомым тропам, повинаясь лишь внутреннему зову, который вёл её сквозь дебри, будто компас. Постепенно ей становилось страшно: тени убитых собирались за её спиной плотными рядами, враждебно подталкивая виновницу их небытия к концу пути. А Декабристку, наоборот, покидали силы. И только один вопрос не давал ей покоя: почему Мастер ушёл в Город и не сказал ей?

В тот вечер закат казался необыкновенно ярким. Солнце обнимало золотисто-оранжевые небеса и далёкие горы на горизонте, воздух дышал свежестью невидимого моря, ветер утих, и от этой строгой торжественной тишины Декабристке стало очень грустно. Еле-еле доползла она до самого высокого холма, встретившегося на пути, и с великим трудом поднялась на его вершину. Усталые глаза её узрели бескрайнее морское полотно, а потом затейливый старинный парусник, неторопливо идущий на юг, а ближе к западу — полуостров и высоченную башню с огнями на ростральных колоннах. Нет, Алиса, это была не Башня Бенгала, а совсем другое сооружение. Только о нём нельзя сейчас говорить.

Так вот, именно тогда Декабристка поняла, что она достигла Города, а через мгновение к ней подошло животное, твёрдо стоящее на задних лапах.

— Я дошла? — улыбаясь, спросила несчастная влюблённая. Она уже еле держалась на ногах.

— Да тебя нет давно! — зло ответило ей оскаленное животное и ударило её по голове чем-то очень тяжёлым».

Алиса очнулась в совершенно другой комнате. Ни Ра-Ханы, ни Крысолова, ни тем более Эрмана рядом не наблюдалось. «Бросили меня одну», — поморщилась девчонка, чувствуя, как от несправедливости по сердцу пробегает рябь обиды на всех троих. «Декабристка наивная. Сапоги стоптала в погоне за своим драгоценным Мастером по бескрайним лесам и полям, а в итоге всё равно так и не увидела его, хотя бы в последний раз». Никакого сочувствия в её сердце к трагическим героям услышанной истории, увы, не возникло.

Алисе очень хотелось есть; но не голод сильнее донимал её, а очередное ощущение неприкаянности. Собрав в душе и теле весь накопившийся адреналин, она стала отчаянно озираться по сторонам. Ни дверей, ни выходов. С треском распахнув единственное окно во всю стену (гляди, точно, как в коммуналке!), Алиса, не задумываясь, нырнула головой в дождь и упала на мозаичную террасу, только с другой стороны. «Уже хорошо!» — пронеслось в её мозгу молнией. Следующий шаг не заставил себя ждать. Ноги на парапет, так, не надо волноваться, представь, что ты каждый день прыгаешь с километровой высоты. Ну, вот и всё, детка. Или ты разобьёшься, аминь, или Город укачает тебя в ласковых руках, словно в колыбели. Плевать я хотела на них. На всех.

— У неё стойкий синдром отверженного ребёнка, Миледи, — галантно изогнувшись, Крысолов подал руку императрице, спускающейся на нижний этаж покоев Башни.

— Пусть побеждает, ей полезно.

Ра-Хана царственно кивнула головой, благодаря спутника за любезность, и звонко щёлкнула пальцами. В зале послушно материализовался Эрман с двумя чашками душистого чая и

с таким трогательным выражением своего треугольного лица, что Алиса, увидев его, тотчас пожалела бы о своём позорном побеге. Но она была уже слишком далеко.

Глава 5. В притоне танатерос

После шторма наступила удивительно светлая ночь. Луна висела прямо над Городом, грозя накрыть его притягательными глубокими впадинами, в которых копошились бесформенные тени. В теле планеты жили паразиты, съедающие отражённый солнечный свет, потому в небе постоянно мерцало обморочное психоделическое сияние, только не северное, а местное. Земля была буквально укутана бирюзовым ковром из острых длинных листьев, которые не выдержали бешеного натиска ураганного ветра и облетели все до единого. И вот там-то, в аллее, под ворохом этих погибших листьев, лежала Алиса. В одной руке у неё меланхолично засыпала крупная рыба, лениво бьющая хвостом по Алисиной щеке, другая рука мёртвой хваткой сжимала тетрадь грязно-коричневого цвета, из которой вывалилась часть обугленных страниц.

«Я сплю и вижу сон: затащили меня в какую-то примитивную компьютерную игру, где надо бродить по уровням и искать рычаги в стене. Оружием забиты все карманы, страх разъедает душу, и ничего не хочется, кроме одного: найти рычаг и выжить. Представляете, драгоценная человеческая жизнь зависит от никому не нужной железки»!

Алиса застонала и, перевернувшись на спину, широко открыла глаза. Удручающие сны про рычаги, торчащие из стен, грозили обернуться чем-то реальным, что пугало уже само по себе.

Болело всё. Она попробовала пошевелить пальцами, согнула ноги в коленях и поморщилась: суставы дали о себе знать, словно им только что исполнилось сто лет. «Не хватало мне старческого ревматизма на свою дурную голову...» — подумала Алиса печально, совершенно забыв о недавнем полёте с огромной высоты. Медленно и неуклюже она встала и, шатаясь, побрела куда глаза глядят. После неё на земле осталось тело уснувшей рыбы, которое тотчас начало распадаться на части, дабы не задерживать другие, более важные природные процессы. Откуда эта рыба взялась, никто не знал, но Алиса и не занималась поисками отгадок. Самое главное: ручка и дневник почти не пострадали, а там хоть потоп.

Она шла интуитивно, не выбирая дороги, хотя аллея сама выводила её на нужный путь. За спиной оставалась Башня Бенгала, постепенно растворяясь в густом утреннем тумане. Первый час Алиса сутулилась, пряталась за стволы редких деревьев, ожидая погони или внезапного появления кого-то из обитателей Башни. Но время шло, а за Алисой никто даже и не собирался посылать погоню. «Ну и прекрасно. Очень они мне нужны!» — разочарованию беглянки не было предела. Она вспомнила, как цинично улыбался Крысолов, измеряя шагами балкон, как строго смотрела на неё императрица Ра-Хана своими ледяными синими глазами. Девчонка снова ускорила шаг, но на этот раз не от страха, а от желания скорее уйти подальше от красивого обмана, который притворился близким другом и заманил её в Город. В конце концов, у неё была мечта. А у тебя есть? Вот пойдись теперь и стальными когтями вырви свою мечту из глотки всех этих доброжелателей, которые ухмыляются у тебя за спиной и наверняка кривляются там, за дальним поворотом. Вдох-выдох... Кстати, заметь: воздух-то приторный какой, сладкий, пахнет переспелыми грушами и увядающими цветами. Что за время года здесь сейчас?

Неоднократно Алиса слышала шаги робких невидимок, которые шастали взад-вперёд по тротуарам, но не показывались, хотя что мог им сделать пятнадцатилетний подросток в рваных джинсах и старых ботинках? Лиловые фонари помутнели. Прошлой вечернее великолепие полиняло и выцвело, хотя перед глазами Алисы до сих пор стояла самая первая картинка, которая ножом полоснула её по глазам своей неземной красотой.

— Гражданочка, Вы нарушаете закон семи часов утра. Я, конечно, лояльно отношусь ко всем прибывшим, но считаю своим долгом предупредить: Вы рискуете попасть в лапы полиции нравов, а это не слишком приятное знакомство, уверяю.

Алиса уже устала удивляться выкрутасам Города, но такого шепеляво-вежливого монолога из-за угла она действительно не ожидала. Всё было просто: площадь. Стела с изображением чьих-то закрученных внутрь крыльев. Много скамеек. И там, на скамейке, которая стояла ближе всех к центру, лежал самый настоящий бомж.

Крыс по сравнению с ним казался ангелом, чистым и непорочным. У бомжа слезились глаза, провалился нос, а при ближайшем рассмотрении Алиса заметила отвратительные белые шрамы на его руках и отсутствие всякой одежды, кроме древних серых кальсон под пальто. «Надеюсь, он не начнёт кидаться на меня с объятиями, как некоторые», - решила она, осторожно садясь на край скамейки.

— Да ты не бойся, это быстренько, отведу тебя подальше от проспекта, чтобы не наткнуться на патруль, а там тебя сам чёрт не найдёт, — прошептал внезапный собеседник и мелко рассыпчато захихикал, шевеля сучковатыми иссохшими пальцами. Алису передёрнуло от брезгливости, но полиция нравов действительно не вызывала у неё дикого желания встречи, поэтому выбрать пришлось трясущегося рядом мерзкого типа.

— Что насчёт моих видимых болячек, то извини: медицина тут весьма специфическая, хотя я даже не заразный, так-то. Ну так скоро тебе всё равно будет. Вот уйдёшь на тёмную сторону, там всё и всем по барабану.

— Тёмная сторона чего? — спросила Алиса, заинтересованная знакомым словосочетанием. Может, он знает что-то о глюкомании? Но, видимо, местным жителям было не до игр, а противный оборванец производил впечатление человека, говорящего серьёзно. На вопрос он не ответил, неопределённо пожав плечами, хотя в его воспалённых слезящихся глазах промелькнуло явное знание.

— Да, кстати, меня зовут Елисей, — представился он, протягивая девчонке грязную пятнистую руку.

— Алиса, — промямлила та, с отвращением принимая рукопожатие.

— Ну, вот и славно. Теперь, рыбка моя, нам надо срочно сваливать, а по дороге я расскажу тебе про закон семи утра. Идёт?

Несмотря на почтенный возраст, Елисей передвигался шустрými скачками, будто в голове у него играла дьявольская скрипка, и он пытался под неё танцевать.

Алиса срезала углы. Миновав пару перекрёстков, они очутились в типичном Питерском дворе-колодце, хотя дома здесь стояли впритык, при том очень неровно, из-за чего все их стены перекосились. Двор при ближайшем рассмотрении оказался и вовсе какой-то потусторонний. На треть он был заставлен мусорными баками, в которых курились кислым дымом тлеющие тряпки; всюду валялись мятые комки старой бумаги, испачканные всякой гадостью. Неистовый трепет у Алисы вызвали крупные бурые животные, копошащиеся в протухших отходах. Это были отдалённые подоби́я крыс, только очень большие и... Нет, не может быть! Из распухших мохнатых тел торчали в стороны металлические прутья, обрывки разнокалиберной арматуры, погнувшиеся диски циркулярных пил и прочая железная дребедень. Мутит, мутит беспощадно, надо только упасть на асфальт и зажать рот руками. Хотя чего уж тут сдерживаться!

Алиса прислонилась к стене и беспомощно сползла вниз. Почему их всех не доби́ли, это же издевательство какое-то, зачем они ещё живы?!

— Между прочим, данные экземпляры представляют огромный интерес для одного из твоих друзей из Башни, — ехидно заметил Елисей и сел рядом с девчонкой. Алиса поняла его.

— Антикварные крысы... Он их спасает?

— Не будь наивной, милочка. Он их маринует и ставит в банках на полки, получается такая Кунсткамера. Своеобразное, правда, но всё же искусство. Высокий интеллект и тяга к прекрасному дают о себе знать. Кстати, ты не замечала, что у людей с высоким интеллектом порой бывают подлые, низкие души? Несостыковочка выходит, да?

Алисе было явно не до великосветских разговоров. Она думала о том, что ужасно ошиблась в своей оценке Города. В секунду, тянущуюся дольше вечности, она почувствовала ту правду, которая могла считаться неоспоримой: то место, где она сейчас находилась, существовало без всяких сомнений. Но это был не Питер.

«Сигареты помогают остановиться, это всего лишь маленькая отсрочка выбора. Но иногда эта маленькая отсрочка меняет всё. Просто внезапное решение, которое кажется правильным и ясным, спустя пару минут может превратиться в струйку дыма, отравляющую окрестный воздух. А после него остаётся нечто. Или приходит другое решение. Или вообще ничего не остаётся».

Измученная гостя Города даже не пыталась встать. После резко накотившей дурноты ей было удобно сидеть на асфальте, прислонившись к стене; привычным движением она полезла в карман, но сигарет там не оказалось. Ну забыла. Ну и что? Даже если бы ей сейчас предложили вернуться домой к старухам, она бы ни капельки не встревожилась, посмотрела бы в глаза тому, кто это произнёс, прожигая его ясным серо-зелёным взглядом, и сказала бы: «Идиот».

Елисей по-отечески погладил её по плечу, покряхтел, тяжело примостился рядом.

— Что-то вид у тебя неважный, — мягко произнёс он, стараясь отвлечь её от созерцания демонических животных. В его руках, ловких, как у фокусника, появилась пачка безымянных сигарет и спички с красными серными головками. Честно говоря, у Алисы не было никаких сил на благодарность, поэтому она лишь слабо кивнула и забрала бесценное сокровище из рук безносого, бездомного и совершенно бессовестного человека. Но, во всяком случае, этот человек не бросил её в трудную минуту, а наоборот, пытался спасти от тоски, которая началась ещё в Башне, а то и раньше. Намного раньше.

— Расскажи мне про закон семи утра, раз обещал, — попросила его Алиса и села поудобнее. Елисей тотчас вскочил, расправил плечи гоголем и заорал, словно оратор на трибуне:

— Декларация о дисциплине, часть вторая, статья девятая, двадцать второй параграф: ни одной живой или неживой душе не разрешено появляться на улицах центрального Города, а также во всех других его слоях до семи утра каждого дня, за исключением дня прощания.

День прощания с родителями... Алисе внезапно показалось, что её путь накрыла чёрная вода. Где-то она уже это видела, страшную волну с осколками льда и камнями вперемешку, где-то это произошло или произойдёт, но когда? Ещё она слышала крики огромной толпы, это были лозунги, угрозы и вопли о помощи; потом ей померещился белокрылый истребитель, стремительно несущийся носом вниз, яркая вспышка неестественно-алого солнечного света, обжигающая глаза до безумия и слепоты, и оперный театр, наполненный мертвецами, и...

— Стоп. Ты не слишком ли торопишься, ненаглядная моя рыбка?

Нет, она не видела себя со стороны. Она билась в агонии на коленях Елисея и звала, звала кого-то бесконечно, не зная его имени. И в этом её зове звучали такое дикое отчаяние и такая бесконечная усталость, что даже Елисею стало больно.

«Э, да ты же наша!» — процедил сквозь зубы потусторонний страж утренней справедливости, деловито вытаскивая из-за пазухи шприц с успокоительным. Кричи, Алиса, перекрикивай толпу, они сожрут тебя, сожгут, не успеешь и пикнуть, но ведь есть другой выход, правда. Ведь это ты, ты можешь сделать с ними абсолютно всё: сдай их, выдай, назови имена, продиктуй пароли, черкни нервным почерком телефоны, известные только тебе, ты разве забыла, что работаешь предателем?!

После укола в бедро Алиса притихла. Елисей повёл её в подъезд под руку, мимо уродливых антикварных крыс и тлеющего мусора. Она не сопротивлялась, шла, как на Голгофу, опустив голову и не произнося ни слова.

Они остановились после первого поворота. «Этаж номер полтора, странный какой-то», — заметила Алиса, в чьей душе потихоньку начало просыпаться любопытство к чему-то новому.

— Да ладно, расслабься, — улыбнулся щербатой улыбкой Елисей и вдруг запел арию из одной известной итальянской оперы. Красота мелодии заворожала девчонку настолько, что она сама потянулась к ручке двери.

— Твой пропуск в рай! — ангельским голосом протянул Елисей, толкая спутницу за порог.

«Да хоть куда», — решила Алиса, — «пропадать, так пропадать».

В просторной сумрачной комнате было много людей. Некоторые из них валялись прямо на полу и дёргались в конвульсиях, другие полулежали в креслах из серой кожи, и их собственная кожа почти не отличалась от той, неживой: такая же сморщенная, грязная и старая. Алиса с деланным безразличием шла по мягким ватным телам неизвестных. Пару раз от её неосторожности в воздухе раздавался пронзительный хруст треснувших костей.

— Э, родная, ты мне так всех клиентов переломашь! — злобно вызверился какой-то двухметровый молодчик, подлетая к гостье и выворачивая ей руку. Алиса тихо взвизгнула и попыталась укусить обидчика, но тот со всего размаха врезал ей кулаком в скулу. На щеке девчонки тут же появился выразительный отёк, напоминающий подкову. Следующим действием жестокого охранника был мощный бросок, после которого Алиса, словно куль с опилками, отлетела в угол. Потирая болезненный ушиб на затылке, неприкаянная жертва хранителя местного порядка зарычала и плюнула на чей-то тупорылый сапог: жаль, до обидчика было не дотянуться. В комнате наступила удручающая тишина.

— Так. Кто здесь устроил всё это безобразие?

Алиса скорчилась в углу, воткнувшись подбородком в острую коленку ближайшего субъекта, обладателя резиновых сапог. Ей вдруг стало плохо от побочных действий введённого Елисеем лекарства. Подковообразный отёк на скуле быстро расплылся в угрожающий синяк, захватив часть носа и левый глаз, отчего смотреть и дышать стало неудобно. Жалобно всхлипнув, она подняла голову и вопросительно посмотрела на того, кто задал вопрос, стоя напротив неё. Но на человека это было мало похоже — примерно, как лампа едва похожа на солнце.

В упор на Алису уставились огромные чёрные зрачки, наполненные тьмой, не пугающей, а наоборот, спокойной и ласковой. Бархатная темнота южной ночи, шёлковый мрак глубокого моря и безбрежная мгла космоса, вот что отражалось в этих глазах, влажно мерцающих на полностью заросшем шерстью лице.

«Он был похож на Чудовище из сказки, которым пугают непосlušную мелочь, но в нём собралось столько всего! Не добро и зло, не чёрное и белое, а намного больше, будто ожила некая третья сила, вмещающая в себя целый мир. Абсолют, заключённый в оболочку зверя. Совершенство без лица»...

Оно подошло совсем близко и с пугающим любопытством разглядывало Алису, как насекомое под лабораторным микроскопом. Тишину в комнате прерывали звонкие потрескивания, совпадающие по времени с яркими голубыми вспышками. Где-то в другом углу скромно догорал один из клиентов, подключённый к электрической розетке. За спиной волнуемого обладателя гипнотического взгляда робкой тенью вырос Елисей и едва слышно прошептал:

— Хозяин, она потерялась. Я нашёл её на площади павшего Ангела час назад.

Елисей не успел закончить фразу, как раздался долгий оглушительный треск, и на мгновение все ослепли от ярчайшей вспышки. Потом стало очень темно. Под потолком меланхолично повис выводок шаровых молний, постепенно и неизбежно гаснущих; в спёртом душном воздухе разлился запах палёной резины.

Кто-то шумно метнулся к окну, распахнул жалюзи и впустил рассвет. На улице уже вовсю кипела жизнь: людские потоки растекались во все стороны, зарываясь в пёструю ленту машин,

спешащих по разным делам. Детские голоса смешивались с утробным рёвом, от которого по спине бегали мурашки; где-то недалеко на повышенных тонах спорили два женских базарных голоса, обсуждая качество уценённой еды. Алиса, подползая к окну и высовывая наружу нос, обнаружила, что раннее утро Города ничем не отличается от раннего утра Питера, только интенсивность звуков была сильнее. «Интересно», — подумала Алиса, — «почему мне опять не повезло? Вместо того, чтобы идти сейчас по набережной и рассматривать местные достопримечательности, я сижу в каком-то жутком притоне, у меня на лице безобразный синяк, и голова болит, и вообще».

— Ты, дорогая, не вдоль реки бы сейчас шла, а валялась бы в подвале с переломанными конечностями и полным отсутствием смысла жизни. Так что скажи спасибо Елисею за своё чудесное спасение.

Алиса повернулась и с дерзким возмущением возразила:

— А я не просила меня спасать! Чего вы все ко мне привязались?!

Маленький толстенький человечек, пригрозивший девчонке неземными пытками в секретных застенках, пожал покатыми плечами и ушёл в соседнюю комнату. Руки у него были по самые локти испачканы глиной.

И вот именно сейчас, после стольких недоразумений и неприятностей, Хозяин подошёл к Алисе близко, накрыл её шею мягкой шерстяной лапой и осторожно закрыл окно. Жалюзи тут же вернулись на своё место, скрывая улицу от разболевшихся глаз, уже привыкших к темноте; исчез противный запах резины, который спешно вылетел и отправился странствовать по просторам.

— Мы не наркоманы, не садисты и не сумасшедшие, запомни. Мы танатерос, а это значит, что у нас есть смысл жизни, в отличие от всех, кто бежит снаружи. Древние люди давно вымерли, но оставили нам великое наследие — нашу философию, которую невозможно принять без вдохновенного осознания. Ты вот зачем живёшь?

Алиса прыснула в кулак, как смешливая школьница: что за ерунда, не всё ли равно, зачем?

— Просто живу и всё. А потом просто умру. И всё.

— Все умрут. Но это и есть самое большое счастье, которое нам дано. Смотри: любовь может вспыхнуть в одном сердце много раз в течение всего земного срока, или, наоборот, никогда. Друзья появляются и исчезают. Искусство бесконечно меняется. Нет ничего на свете уникальней и чудесней смерти. Она возвышенна и прекрасна, она как первый поцелуй, который не повторится, потому что следующий будет следующим — вторым, двадцать пятым, тысячным, но уже не первым. Смерть всемогуща, как ураган, сметающий на своём пути целые страны. Жить в постоянном её ожидании, понимая, что каждый миг, каждая секунда приближает тебя к спектаклю, который играется лишь однажды, готовиться к этому, и, в конце концов, умереть именно так, как хочешь и можешь только ты. Вот смысл всего, дорогая. Это заветная мечта любого нашего последователя. Эрос и танатос. Любовь и смерть. Любовь к смерти.

Алиса зачарованно смотрела на Хозяина и ощущала, что весь этот бред на самом деле ей очень близок, ведь сидя у окна в коммуналке она не раз думала о том же самом. Ей стало безумно тяжело, даже хуже, чем в башне Бенгала. Хозяин протяжно вздохнул и поднял её на руки, как маленькую девочку, покачивая из стороны в сторону. От его шерсти шло стойкое тепло. Алису перестало колотить от страха и гнева, но грусть почему-то усиливалась. Ей хотелось биться головой о грудь обнимающего её зверя, хотелось кричать от невыносимой жажды чего-то, что не имело названия.

— Я Алиса, а кто ты? — спросила она, с трудом разжимая дрожащие губы.

— Астер. Успокойся, ты же всё поняла, ты чувствуешь великий зов. И это чудо. Ведь ты наша? Моя?

— Я не знаю... — честно ответила Алиса и посмотрела Хозяину прямо в глаза.

«...Одержимость мечтой иногда приводит к её исполнению».

Глава 6. Жертва Такассы

— Сегодня вечером мы идём в Капеллу, — торжественно сказал Елисей притихшей после общения с Хозяином Алисе. Почему-то обитатели тайной квартиры, услышав это, мгновенно затихли в благоговейном молчании. Алиса была готова поклясться, что они давно ждали этих слов; словно в подтверждение её мыслям, в помещениях раздался стройный бессловесный хор. Люди и нелюди, собравшиеся в большой комнате, в лабиринтах, где-то далеко за дверьми — все тянули закрытыми ртами длинную нить мелодии, которая с неудержимой мощью разветвлялась на голоса. «Молятся они, что ли?» — подумала Алиса, вглядываясь в отрешённые лица танатерос. Пленница Города уже воспринимала себя частью этой секты, но некоторые порядки, заведённые звероподобным Астером, всё ещё казались ей странными.

— Не мешало бы тебе надеть по такому выдающемуся случаю вечерний наряд.

Девчонка оглянулась: да чёрт возьми, что за бредовая привычка появляться за спиной неожиданно! Знакомый ей толстячок с глиняными руками обаятельно улыбнулся, вздохнул с лёгким присвистом и повесил Алисе на шею роскошное тёмно-синее платье.

«Ну вот, прямо как на вешалку», — вздохнула она и расстроено посмотрела толстячку в широкую покатую спину. Этот протяжный взгляд почему-то очень не понравился Елисею, который наблюдал за своей подопечной из тёмного угла.

— Ты бы перестала дурию маяться, — укоризненно произнёс он, подходя как-то боком и осторожно снимая с покорной Алисы испачканную футболку. Та даже не пыталась сопротивляться, притворившись обессиленной. Ей хотелось увидеть себя в вечернем платье, да ещё и только что подаренном, да ещё и тёмно-синем.

«Они выгуливают меня, как собаку, по вечерам. Безносый развлекается разнообразными инъекциями во имя своих медицинских экспериментов. Результаты превосходят самые смелые его ожидания; от его лекарств меня размазывает по полу давящая сила, с которой я бороться не умею и не хочу. Во всяком случае, это похоже на пресс из типографии — как смешно! До сих пор помню типографию с её унылыми стенами, кипами бездарных книг и с унылой физиономией верного друга Фрица. Товарищи, если вам попадётся толстая книга в голубом переплёте, с автором, фамилия которого заканчивается на «-ский», знайте: её клеила я. Может быть, из Алисы здесь, в этом странном мире, хотят сделать книгу?»

А ещё меня кормят кашей, которая отвратительна до обожания. И поят чёрным молоком. Из постоянных членов секты могу назвать только Елисея, охранника, глиняного человечка, женщину с красными волосами и острым носом, имени которой не знаю, и, пожалуй, двоих нелюдей, один из которых Хозяин Астер, а другой... Остальные слишком часто меняются, лица давно слились в цветное мутное пятно, я их уже не различаю. Да это и неважно. Клиенты приходят каждый день. Сгорают либо сразу, либо к ночи, их запросы однообразны и одноклеточно просты: подключиться к розетке, выброситься из окна, отравиться или перерезать вены. Однажды я наткнулась в ванной на девушку, которая пыталась сделать всё одновременно, мы с ней долго сидели и смеялись над тем, что вода слишком холодная, что нож тупой, что из розетки выпадает шнур, а окно слишком низкое. Потом она сказала, что всё равно добьётся своего, только позже. Девушка ушла, когда наступили сумерки — и к нам больше так и не вернулась.

Мне стало скучно. Недели опадают, словно бирюзовые листья, время похоже на жвачку, прилипшую к рукаву. После того, что случилось в Капелле, я не могу больше воспринимать настоящее, оно безлико и мелко. Ведь уйти так, как Такасса, я не сумею ни в одной из многочисленных своих жизней. А в тот вечер в Городе шёл снег»...

Они выдвинулись из квартиры всей толпой, сосредоточенно и серьёзно. Впереди темнела высокая фигура Хозяина, закутанного в плащ. Угольный шёлк подметал землю и напыминал монашескую рясу. Алиса попыталась прорваться поближе к созданию, которое с первой секунды встречи одарило её пониманием и поддержкой, но ей не дали этого сделать скорбные личности с чёрными футлярами на спинах. Так она и шла, между прилипшим к ней Елисеем и красноволосой ведьмой, причём они оба весьма больно сжимали бедные пальцы девчонки своими клешнями. Спустя полчаса, когда на Город спустилась крошечная мгла, с неба начал срываться редкий крупный снег. Алиса не выдержала и остановилась, нарушив размеренный шаг процессии.

— Что? — спросил Астер откуда-то издалека.

— Снег... — ответила Алиса, с недоумением подставляя безумным снежинкам горящие румянцем щёки.

— Ну и что? — удивился за Хозяина охранник, пытаясь сдвинуть с места первую шеренгу увязавшихся за старожилками новичков, но те ни в какую не хотели идти. Они сбились в кучку и ждали, когда девчонка перестанет обращать внимание на снег.

— Так ведь июль же! — не унималась Алиса, пытаясь в очередной раз найти логику в происходящем вокруг.

Астер укоризненно покачал головой и медленно подошёл, вернее, подплыл к Алисе; несмотря на то, что он был весь покрыт шерстью, словно тигр, передвигался он плавно, подобно дельфину.

— Это у тебя ТАМ июль, а ЗДЕСЬ уже зима.

Голос его внезапно огрубел и стал хлестким. Он наносил меткие удары, как плеть, но не по лицу и не по ушам, а по самому сердцу, из-за чего сердце каждого идущего сжалось и спряталось очень глубоко. Алиса посмотрела по сторонам и заметила то, чего не видела раньше: Город изменился. Вокруг разгорались тревожные костры, разбрасывая повсюду свои жадные языки, в которых лёгкой шелухой сворачивались снежинки. Вместо широких асфальтовых дорог под ногами вспучились булыжные мостовые. Неприветливые зловещие здания плотно сомкнули ряды, наблюдая за процессией исподлобья, вдоль набережной протянулись ершистые сети из колючей проволоки. И в тот самый момент, когда Алиса уже махнула рукой на дикий июльский снег, когда новички робко тронулись с места, а Астер снова возглавил процессию, именно тогда раздался угрожающий грохот прямо за спинами всех, кто шёл в Капеллу. Что-то неслось сзади, невероятно быстро приближалось, закручивая вихрем позёмку, уже успевшую появиться на их безрадостном пути.

— Назад!!! — заорал охранник, бросаясь грудью на тех, кто оказался ближе всех к нему. Остальных закрыли Елисей с Хозяином; некоторые с воплями упали на землю, некоторые остоленели и не успели ничего разглядеть; одна Алиса выглянула из-за плеча Елисея, больно при этом ткнув локтем соседку, за что получила в награду увесистый тумак.

Мимо них промчалась массивная чёрная карета, такая, какие разбивали своими колёсами каменные мостовые лет триста назад. В неё были запряжены огромные кошмарные кони, больше похожие на церберов из подземного царства: со спутанными сивыми гривами, со стальным блеском стоящей дыбом шерсти и неистово раздутыми ноздрями. Возница на козлах был и того хуже: взгляд его метал искры, а губы стягивала суровая толстая нить. Эта бешеная скачка была подобна горной лавине; и Алиса вздрогнула, вспомнив слова Хозяина о смерти в виде стихийного бедствия. Именно сейчас страшное неслось по Городу, и, похоже, это была смерть, вот только чья? Когда карета пролетела мимо Алисы, шторы единственного окна на миг приотворились. На девчонку в упор уставились два страдальческих глаза с белого мелового лица, мелькнул локон золотистого парика и ещё что-то в глубине кареты, но что — разглядеть Алиса уже не успела. Лицо показалось ей знакомым. Когда-то, несколько лет назад в школе, на уроке музыки, Алиса уже видела эту бледную маску, запомнила её, и теперь... Чёрно-белая картинка

в учебнике, отрывки из нелюбимой классики с заевшей пластинки пожилой учительницы. О, она узнала, кто именно мчался в полночный час на жертвоприношение в Капеллу, ибо она была на миллион процентов уверена, что карета летела именно в Капеллу и непременно на жертвоприношение.

Девчонка потрясла за плечи отвернувшуюся носатую бестию и крикнула ей прямо в ухо, пытаясь справиться с нервным ознобом:

— Кто это был, скажи, кто?!

Красноволосая ведьма спокойно зажала Алисе рот и тихо отчётливо произнесла:

— Моцарт, дорогуша, а зачем спрашивать, если ты сама его узнала?

Перед старинными тяжёлыми дверьми Капеллы уже собралось достаточно народу, но никого ещё не пускали. Люди в старомодных потёртых одеждах, вытасненных из бабушкиных сундуков, нетерпеливо задевали друг друга, слоняясь от одного края внутреннего двора к другому. Полицейские в фиолетовых тюрбанах и балахонах следили за порядком, взбудоражено переговариваясь на незнакомом грубом языке; видимо, они тоже ждали предстоящего концерта. Процессия танатерос остановилась в арке и тут же разделилась: скорбные товарищи с футлярами прошли чуть вперёд, целеустремлённо протиснулись в узкую служебную дверь и исчезли из вида, а другие — в том числе, Алиса — остались на улице. Снега намело уже целые сугробы, в них лежали пьяные билетёры и неверными голосами орали отрывки из пятой симфонии Бетховена; при этом, они бешено разбрасывали по сторонам кипы программ.

Когда открылись двери, многоногий шевелящийся поток лихо устремился внутрь. Алису затёрли, оторвали от Елисея, потом вдруг внезапно соединили с Астером, который тотчас подхватил свою воспитанницу под белы ручки и потащил к гардеробу. Напоследок Алиса лишь успела оглянуться и увидеть, как перед служебным входом маячила качающаяся на ветру фигура Моцарта. Он был в треуголке, сильно запорошенной снегом, а за локоть его держал и зверски колотил по дверному стеклу человек с ледяным выражением лица и узким длинным тубусом за спиной. «Что же это такое творится?» — подумала девчонка, озабоченно потирая виски. У неё разболелась голова от переизбытка впечатлений, но интерес к чудесам ещё не угас, и, собрав все свои силы, она вырвалась из горячих лап Хозяина. Это был отчаянный порыв получить ответ на один вопрос: там, на ступеньках стоял гений всех времён и народов, он сам явно нуждался в помощи, но ещё он, вероятно, знал, кто должен был погибнуть сегодня вечером. Кто же?

«...Они были злые и упорные. Они толкали меня обратно, но я не сдавалась. Против течения плыть гораздо легче, милые мои, ненаглядные, да что ж вы так давите меня? Я хочу знать, пустите, когда-то он сгорел на костре собственной музыки, поэтому мы с ним одной крови. Мне кажется, что сейчас произойдёт что-то непоправимое. Как остановить чёрного человека с тубусом? Он хуже всех, он и есть судьба, он прятался в дальнем углу кареты и наблюдал, а Моцарт — ты, Моцарт, скажи: можно ли не делать этого? Ты смотришь на меня, похожий взглядом на Христа, а душой на Астера, и молчишь, а чёрный человек уже тянет тебя механической железной рукой в провал двери, но ведь зачем-то ты им нужен; зачем? Ты же не танатерос»!

Алиса не успела. Людей оказалось слишком много, прорваться обратно на улицу ей не удалось. Однако в спину ей долетело слабое эхо; и короткая фраза на ломаном русском обдала душу жаром, подозрительным для снежного вечера:

— Она уже ждёт тебя, только тебя!

В этот момент круговорот оголтелых слушателей забурился вокруг Хозяина, нашедшего Алису и снова схватившего её за руку. Сотни любопытных глаз смотрели на тощую девчонку в тёмно-синем платье, которая посмела заговорить с самим Моцартом. Так бы их и раздавили,

если бы не Елисей, разогнавший толпу своим апокалиптическим видом. Народ боязливо жался к стеночкам, а безносый издевательски хихикал, изображая Ивана Сусанина.

— Ты посмотри, моя рыбка, сколько собралось единомышленников! — шевеля пятнистыми пальцами пропел Елисей. Но Алисе уже было некогда его слушать: она, очарованная всем происходящим, шла по белой лестнице, отражаясь в огромных гладких зеркалах, и казалась сама себе потерянной принцессой неизвестного королевства. Красноволосая ведьма следовала за ней, словно тень, не отставая ни на шаг. Разношёрстная публика, включая отрезвевших на морозе билетёров, рекой потекла в зал, будто Алисино шествие по лестнице послужило сигналом к началу действия. Все прибывшие расселись по своим местам так спокойно и благовоспитанно, будто и не было безобразной толкучки у дверей. В это время за сценой раздались удивительной красоты звуки, напоминающие грудной человеческий голос, но принадлежали они музыкальному инструменту. А потом наступила полная тишина.

На сцене сидели скорбные личности. Они были уже без футляров: кто-то с виолончелью, кто-то с валторной или трубой. Их собралось гораздо больше, чем показалось Алисе сначала, когда все они выходили из квартиры, однако некоторые могли присоединиться по дороге, а другие ждали в здании, вот и сложился из них большой симфонический оркестр. Музыканты застыли, вытянувшись, словно скрипичные струны. Казалось, тронь их, и они зазвонят. Зал был в таком же напряжении до тех пор, пока на сцену не вышла Такасса.

«Вы когда-нибудь видели, как красиво сочетается блёклый цвет белой ночи с дымной мглой редких туч, гнездящихся на западе, куда недавно спряталось солнце? Эта худенькая, малорослая деточка, сгибающаяся под тяжестью огромной скрипки, вызывала чувство глубочайшего уважения и беспредельной жалости. Серебристое платье без рукавов, с таким печальным сумрачным налётом; длинные струящиеся волосы, ниже пояса, густо-пепельные, разбросанные по обнажённым плечам. И глаза, такие же, как у нелюдей, одни зрачки. Но из них не Чёрное море в зал глядело, и не бархатная тьма, а илистое дно из свинцовой толщи осенней Невы. И в её взгляде, кроме всего прочего, жила непоколебимая уверенность, которая напоминала одержимость».

— Зачем ей дали скрипку не по росту? — поинтересовалась Алиса, сидя в ложе вместе с Астером, красноволосой, охранником и Елисеем. Все четверо демонстративно промолчали, из-за чего девчонка хотела возмутиться, как вдруг раздался незнакомый приятный фальцет:

— Это не скрипка, это альт. Сейчас ты видишь перед собой Такассу, одно из самых удивительных и талантливых существ Города. Именно этой благородной «большой скрипкой» она долгие годы превращает всех нас в единое целое.

«Долгие годы... Наверно, она в два раза старше, чем выглядит. Что уж там с нечеловека взять!» — подумала Алиса про себя и тут же ощутила стыд за свои нелепые размышления, потому что стоящий за её спиной новый товарищ тяжело вздохнул, а так всегда делал Крыслов, когда читал мысли.

— Ты кто такой? — строго спросила Алиса незнакомца, решив не поддаваться волшебному фальцету с тёплыми интонациями. Мало ли их, фальцетов. А познакомишься поближе — сплошной обман, ложь и разбитые надежды. Из тёмного угла на свет вышел ангелоподобный молодой человек с золотистыми волосами, собранными в хвост, поклонился и представился:

— Граф Ильхам Зейхель Фрайс, учитель музыки.

— Очень рада, — сухо ответила Алиса и замолчала, потому что в эту секунду в Капелле зазвучал концерт Баха.

Боже, как она играла! Эта нечеловеческая малышка оказалась невероятно артистичной и сильной, звук её прекрасного альты парил над мощью оркестра, словно буревестник над штормовыми волнами. Это был тот самый густой певучий звук, который слышался из-за кулис за пять минут до начала. Первая часть концерта Баха в её исполнении искрилась колоссальной энергией, причём Алиса несколько запоздало заметила, что оркестр играл без дирижёра. Иде-

альная согласованность движений, все спады и нарастания, смена темпов, градации звука — музыканты делали это, как единый организм. Где-то под конец Allegro Алиса мельком посмотрела на балкон и снова увидела Моцарта. Он сидел, упираясь подбородком в бортик, ввинчиваясь взглядом в гениальную альтистку. Его спутник, неприятный мужчина с жёстким выражением лица, временно отсутствовал.

«Я полюбила медленную музыку. Они учат меня любить какие-то вещи, до которых там, в Питере, просто не было дела. Ну кто бы назвал меня нормальной после того, как в тот памятный вечер я сидела на коленях у Хозяина в оцепенении, потому что выступление ТакаССы разбило моё сердце? Вот сходить на дискотеку — это да. Подебоширить с местными аборигенами, влюбиться с первого взгляда в того, кто потом вытрет об тебя ноги... Первый год после гибели родителей прошёл именно так, потом отпустило, потом появился друг — и он же начальник — Фриц. И работа. И голод. И ещё много всего, но только не классическая музыка. Они там, в рассыпающемся от старости красивом дворянском зале, все были танатерос, я в итоге поняла Елисея. И все без исключения тянули из себя жилы, обмотанные накопившейся болью, обнажали изрезанные растоптанные души для нечеловеческой девочки, которая сейчас исцеляла их. В единении добровольных смертников было что-то величественное и совершенное, отчего мне стало опять стыдно: ведь я пришла посмотреть на них, как на обезьян в зоопарке, а они мне разрешили. Почему здесь, в Городе, лучше, чем в обычной жизни? Почему?»

В антракте Ильхам, извинившись, покинул ложу. Люди из партера оживлённо забегали по проходам, громогласно переговариваясь; кто-то шумно дышал, очнувшись после тяжёлого обморока. «Она придумала для себя прекрасный финал, но сможет ли она выдержать...» — услышала Алиса где-то за дверью в коридоре. Хвост фразы съела волна шаркающего шума, словно сотня опоздавших попыталась прорваться в зал. Так и оказалось: новые потоки расплывались по свободному пространству, не оставляя мест для следующей партии зрителей. Когда прозвенел третий звонок, народ сидел друг у друга на ухах.

— А что нас ждёт во втором отделении? — попыталась взбодриться Алиса, но радость в её голосе прозвучала неестественно.

— Реквием Моцарта, — тихо ответил Астер.

— Смотри и слушай внимательно.

ТакаССа на этот раз стояла в хоре среди первых сопрано, выделяясь на чёрном фоне длинных сутан взрослых исполнительниц незащищённой белизной кожи и одеяния. Она сменила серебристое платье на ослепительно белое. Её было очень хорошо видно и слышно, потому что ведущую партию сопрано доверили её звонкому чистому голосу. Но чем скорее приближалась самая скорбная часть знаменитого произведения, тем мрачнее пел хор, тем сосредоточеннее играл оркестр, скрывая непослушные слёзы. Алиса замерла, слушая громко бьющееся сердце сидящего рядом Астера. Но вдруг её мозг парализовала жуткая картина: там, на балконе, рядом с бледным Моцартом, стоял чёрный человек, выпрямившись во весь рост. А в руках у него была винтовка с оптическим прицелом, элегантно-узкая, равнодушная ко всему живому. Алиса в ужасе сжалась и затрясла Астера за плечи:

— Астер, дорогой, я поняла: это же снайпер, он убьёт её, останови его, пожалуйста! Это же средневековое какое-то, зачем нам казнь такого чудесного существа, неужели ты, мудрый и всезнающий, не понимаешь, что ТакаССы больше никогда не будет?

Хозяин обжёг её карающим взглядом. Алиса встала на колени и отчаянно уцепилась острыми пальцами за руку обожаемого наставника, но тот с непреклонностью палача оттолкнул плачущую девчонку от себя.

— Смотри туда! — прошипел он. Это был приказ.

Lacrymosa началась. ТакаССа пела с иступлением. Она словно летела над всеми, а точнее, горела, как трепетная свеча, готовая погаснуть в любой момент. Каждая фраза отпечатывалась в голове Алисы на веки вечные, каждая искра в огромных глазах этой пепельной

певицы была вспышкой ожидания свободы. Такассе на самом деле было жаль расставаться с этим залом, с Городом и со всеми, кто любил её; но она никогда не переставала помнить, что является истинным представителем философии добровольных смертников. Напряжение возросло невыносимо. Последнее проведение темы — и вот, дрожь в зале, судороги вскочившего на ноги Моцарта, затаивший дыхание Астер, ослеплённая ощущением безысходности Алиса, но лишь одно лицо спокойное и ясное. Глаза в глаза. Глаза и прицел. На слове «Amen» все пули вошли прямым в сердце.

На Капеллу налетел шквал оваций. Люди бросались друг другу в объятия, рыдали, иступлённо катались по ковровым дорожкам и кричали: «Свершилось!» Кто-то оголтело обливал сцену бензином из шланга, кто-то бросил спичку, а в первом огненном всполохе Алиса различила силуэт Елисея. «Спички с красными головками», — тупо подумала она, наблюдая, как стойко сгорает хор вместе с оркестром, но почему-то не испытала уже ничего.

Во всеобщем гвалте обезумевших слушателей Алиса пыталась вернуться обратно к гардеробу. Её шатало. Всюду валялись порванные программки. И машинально несчастная девочка подняла одну из кривых ободранных половинок. Всё, что там было написано, заключалось в следующем: «...квием. Композитор — Вольфганг Амадей Мо... Снайпер - Ол...».

— Олег. Его звали Олег, — мягко произнёс знакомый бархатный голос. Алиса повернулась и с разбега повисла на шее Астера, точно так же, как когда-то делала это с Крысоловом.

— Ох, что же это было?! Уведи меня поскорее, не хочу это помнить, хочу забыть!

Хозяин сгрёб Алису в охапку и позволил ей зарыть лицо поглубже в свою шерсть: чувствуй моё тепло, слушай, как бьётся сердце, пусть этот звук убаюкает тебя и успокоит. Но Алиса, к своему собственному удивлению, не поддавалась этой уловке. Тогда Астер поставил её на землю и спросил:

— Чего ты ещё хочешь?

— Я хочу знать, кто такая Такасса.

В притоне справляли поминки, занавесив окна чёрными шторами поверх жалюзи. Весть о полуночном событии уже успела разнестись по Городу — и в предрассветный час улицы были под завязку набиты патрулями полиции нравов. На противоположном берегу Невы оглушительно выли сирены реанимаций.

Алиса свернулась в кожаном кресле в тугое подобие эмбриона. Ничего теперь не имело значения, ничего, кроме только что произнесённых Астером слов:

— Радуйся, Алиса, ты имела честь видеть добровольную жертву моей дочери.

Глава 7. Тот, кто предал

«Дорогой Ильхам. Позволь мне называть тебя сегодня именно так, по имени, если ты не против. У меня снова жесточайший приступ ностальгии. Я не знаю, что с этим делать — тяжело и обидно осознавать разлуку с Городом, пусть даже не вечную, но всё-таки разлуку. Ты думаешь, мне не приходила мысль вернуться? Ты думаешь, что, сделав шаг однажды, мне не захочется его повторить? Спустя долгие годы я несу в себе воспоминание о каждой минуте, проведённой здесь. Единое целое, о котором ты рассказал в ночь предательства — и части целого, потерянные в бесконечном разнообразии вселенных — то, без чего я больше не смогу жить.

Ты никогда не был моим проводником. Объяснить, почему существует Город, ты не сумел, но не ты первый и не ты последний. Я продолжаю писать длинные письма без адреса, всё ещё надеясь получить ответы. У меня до сих пор встречаются грамматические ошибки. Иногда мои фразы напоминают мне прежнюю Алису, которая ругалась матом и играла в дикие игры по вечерам. Теперь этой Алисы нет. Отчаяние и ненависть — всё было стёрто гораздо позже, но ты этого уже не узнал.

Дни мои здесь, наверху, уже сочтены: я неизлечимо больна. Родные мои, скоро я увижу вас всех. Пятнадцать моих лет, боже, как это было давно... Обещай мне, что предупредишь наших. Скажи им, что я люблю их. Каждого. Сильно-сильно”.

Алиса медленно брела по широкому ночному проспекту, отбиваясь от щекочущих прикосновений невидимок. Это было похоже на кошмар, внезапно ставший явью: тысячи шелестящих прозрачных коготков, лапок, щупалец, которые нагло толкали Алису в спину, гладили по шее, путали волосы и вообще ужасно раздражали. «Закон семи утра им не писан!» — возмущалась девчонка, отмахиваясь от особо противных преследователей с такой безудержной яростью, что скоро от её рук поднялся ветер. Елисей же говорил: ни одной душе нельзя слоняться по Городу ночью, ни живой, ни мёртвой; но эти назойливые приставалы, похоже, проигнорировали все законы на свете. Как, впрочем, и она сама.

После триумфального ухода Такаussy прошло два месяца, полных раздражающих грудь воспоминаний. Танатерос все до единого прониклись состоянием жгучей скорби, ежевечерне собираясь на поминки. За узким длинным столом застывшей глыбой обычно восседал Астер, а в бездонных дремучих глубинах его глаз всё так же колыхались маслянистые волны бархатной южной ночи. По левую его руку, скорчившись, качался на стуле безносый Елисей, который то и дело сплёвывал шелуху от семечек прямо на пол.

Алиса забиралась Хозяину на колени и быстро засыпала, измождённая мрачными песнопениями обитателей притона. Её сны были наполнены обрывками прошлого, а иногда они и вовсе не имели смысла и сюжета, как сюрреалистические наброски. После ухода Такаussy в ней что-то сломалось. Ей надоели страдания узколобых клиентов, всё так же предпочитающих стандартный набор из лезвий, окон, цианида и розеток. Надоела однообразная еда и плоские шутки верзилы-охранника. В конце концов, Алисе надоело само ожидание смерти, потому что она так и не приняла до конца эту декадентскую философию, навязанную ей. Однажды, очнувшись после долгого обморока, растерянная Алиса возненавидела себя так же сильно, как ненавидела до этого только старух, своих соседок по коммуналке.

«Вот», — думала она, переползая на четвереньках через задубевшие тела вчерашних визитёров и тихонько подвывая от покалывания в затёкших мышцах — «похоже, я просто неудачница. Что в Питере сирота, что в Городе — как у коня пятая нога. Или у собаки, не помню, у кого она там выросла. Воздуха не хватает катастрофически, задыхаюсь, словно увя-

дающий цветок. Хочу на улицу, хотя не знаю, что я буду там делать. Наверное, просто гулять без своих надзирателей и пить залпом пряный сладкий воздух”.

Такие желания возникали у Алисы каждый день. И вот теперь она идёт, еле волоча ноги, по кривому отражению Невского проспекта, а вокруг неё хороводом кружатся шуршащие невидимки, словно гигантские бабочки. И ещё за плечами множество перекрёстков, на которых пляшет, звеня инеем, морозная ночь. Тьма и холод, и бесконечный воздушный океан — что ж, вот ты и дождалась, Алиса, не возвращайся, иди и дыши теперь до одурения.

На площади Падшего Ангела было подозрительно тихо. Скамейки стояли, развернувшись к центру, образовав звезду со множеством лучей, будто кто-то забавлялся тут по ночам, устраивая магические ритуалы. Как правильно называется символ, состоящий из шести двенадцатиконечных звёзд, Алиса понятия не имела. Во всяком случае, её больше привлекала стела в самом сердце площади: высокий столб, увенчанный крыльями, но не птичьими, а какими-то драконьими. Крылья протыкали небо острыми концами, загибаясь вверх под углом, и ещё они были словно сами по себе, что казалось очень странным. Но ещё удивительнее казалось ощущение жара, исходящее от монолитных ступеней в основании памятника. Алиса даже присвистнула, когда подошла совсем близко к столбу и положила на него руку: он согревался изнутри живым пламенем. Огонь гудел и потрескивал в глубине чёрного камня, хотя зачем он там был нужен и на каком топливе горел — неизвестно. “Вечный огонь зажигают в память о погибших”, — вспомнила Алиса, присматриваясь к гладким плитам, но по ним вместо надписей роились стаями рисунки, изображающие всё те же крылья, обращённые полумесяцем вверх. Пожав плечами, девчонка прислонилась спиной к камню, чтобы почувствовать тепло сквозь тонкую ткань украденной куртки охранника. Её научили не бояться холода, но избавиться от ледяного дыхания ветра она не могла до сих пор. “Джинсы в дырках, куртка чужая, свитер чужой, оборванка и воровка!” — цинично искривив губы, Алиса натянула широкие рукава на заиндевшие пальцы. И в этот момент прямо перед ней буквально из пустоты возник Ильхам Зейхель Фрайс.

— Сегодня прохладно, не так ли? — осторожно поинтересовался аристократичный красавец, наклоняясь к своей мимолётной знакомой с искренним участием. Алиса с трудом вспомнила, что Ильхам — граф и учитель музыки. Она видела его только раз, в Капелле, потому ей стало любопытно. Но повела она себя, как обычно, грубо.

— Прохладно или нет, мне до этого никакого дела.

Господин Фрайс отшатнулся и всплеснул руками, не забыв при этом грациозно потряхнуть головой. Роскошные золотистые волосы, собранные резинкой в конский хвост, прочертили перед носом Алисы сияющую дугу и рассыпались искрами по обтянутому мехом плечам. Дорогая на вид шуба из шкуры неизвестного зверя с короткими плотными ворсинками обвисла, собирая лапами подтаивающий снег.

«Не человек, а прямо песня какая-то!» — подумала Алиса, украдкой стряхивая с Ильхамовской шубы мокрые серые комки.

— Ты, девочка, говоришь не то, что думаешь, а думаешь то, что не говоришь. Во-первых, тебе чрезвычайно интересно, кто я такой на самом деле. Во-вторых...

— Во-вторых неинтересно. У меня начинается истерика, когда вы все наперегонки читаете мои мысли. Лучше бы помог кто-нибудь разобраться в том, что происходит, иначе я просто взорвусь. Тебе это нужно?

Ильхам резко опустил прямо на ступеньки, не заботясь о грязи и холоде, усадил Алису на колени так, как это делал Хозяин и ласково укрыл её широкими лапами чудесной шубы.

— Хорошо. Смотри! — палец графа указал в чёрную высь, где дрожали огромные тревожные звёзды. “Наверно, это они от мороза такие громадные”, — решила Алиса, глядя вверх

и пытаюсь определить, где какое созвездие находится. Почти у самого горизонта повис яркий пояс Ориона, а над ним разгорался рубиновой каплей одинокий Альдебаран.

— Тебе никогда не приходило в голову, что Такасса может быть сейчас там? — спросил Ильхам, заглядывая Алисе в глаза и заслоняя собой половину неба. Ну конечно, хрупкая девочка, растерзанная пулями на сцене, это нечеловек с Альдебарана, равно как и её отец Астер.

— Не смей меня инопланетными притчами. Я даже императрице Ра-Хане не поддавалась, а тебе уж и подавно не собираюсь, так что прости.

“...Неверие. Потеря веры в свои силы и в ценность происходящего вокруг, бесконечная тоска, равнодушие и пылающая злоба: разве ты этого хотела, Алиса? Жаль, что ты не можешь сейчас слышать, как плачет в далёкой башне несчастное существо с радужными глазами, как вздыхает Крысолов, скучая по тебе, как шелестит тростник на берегу реки, где ты не раз не была, как полыхает тёмный бронзовый закат, которого ты никогда раньше не видела”.

— Смешить тебя будут позже, а у меня другая задача. Я спою тебе колыбельную, чтобы ты больше никогда не сомневалась во всех нас.

Колыбельная Ильхама

— Когда-то сгоревший оркестр был моим, но однажды я оставил пост дирижёра. Когда-то Такасса пришла и постучалась в дверь известной тебе квартиры, чтобы стать дочерью Хозяина. Многие вещи трудно объяснить, но я постараюсь, и пусть ты не поймёшь языка, на котором поётся эта песнь, зато ты поймёшь главное: её суть.

У нелюдей не бывает детей и родителей в человеческом понимании, хотя есть физические родители, и они всегда — люди. Обычные мужчины и женщины, многие из которых даже не любят друг друга, да это и неважно. У них рождаются дети с сумеречными глазами, невероятными способностями и очень старыми душами. Живут они недолго, увядая в самом расцвете лет, умирая от тяжёлых странных болезней и от нелепых несчастных случаев. Ты знаешь Эрмана, живущего на лестнице. Ты видела, что сделала с его телом ядерная катастрофа, написав невидимым пером историю конца света прямо на его коже. Ты привязалась к Астеру и сожалешь об уходе Такассы, но не надо скорбеть по безвозвратно утерянному, ибо в Городе нечеловеческим душам позволено обрести видимую форму только после смерти наверху, в отличие от многих людей. Эрмана нет, ты права, Алиса. Но он не видение, он реальный пришелец, не выживший однажды после взрыва на далёкой безымянной планете. Астер и Такасса — духовные отец и дочь, части одного целого, разбросанные по разным уголкам мира суровым законом. Когда-нибудь они станут едины, как и части другого разбитого целого. Те, кто живут в Городе, не всегда мертвы, но всегда осколки. И ты тоже осколок, ну да не мне тебе это рассказывать.

Беги, Алиса, со всех ног беги подальше от метро, если попадёшь на эскалатор, оттуда никто ещё не возвращался прежним. И не задерживайся долго в оперном театре, и не бойся аэродрома — видишь, я всё знаю про тебя. Ищи Его и найдешь там, где Он должен быть.

Альдебаран разгорался, пульсируя, как чьё-то обнажённое сердце. В ушах потрясённой молчаливой Алисы звучали обрывки мелодий из концерта Баха, будто жертвоприношение состоялось вчера, а не два месяца назад. Густой голос альта продолжал петь, но теперь его звук имитировала недостижимая алая звезда, превращая в струны потоки ледяного ветра, а собственные лучи в смычок. Там, на огромном расстоянии, обитала сейчас Такасса и ждала, когда все части её целого соединятся навеки.

Алиса закрыла глаза и задержала дыхание; где-то за её спиной гудел огонь в недрах каменной стелы. Всё стало другим.

— Ильхам... — начала было она, оборачиваясь, и тут же получила стрелу в солнечное сплетение, успев мельком заметить целый отряд полицейских в фиолетовых туниках и тюбанах, а среди них — графа Ильхама Зейхеля Фрайса с арбалетом в изящных белых руках. Стрела была осязаемая, настоящая, она победоносно торчала оперением вперёд, как рычаг, приснившийся девчонке после падения с бортика башни Бенгала. «Предатель. Сдал меня полиции нравов... Ох, да что ж мне так не везёт-то!» — беззвучно прошептала Алиса обветренными губами и рухнула, как подкошенная, в серую мокрую грязь.

Командир отряда зычно выкрикнул короткую фразу на своём родном наречии. Тут же бездыханное лёгкое тело девчонки исчезло в чреве хищного внедорожника. Синхронности исполнителей приказа можно было позавидовать: рука в руку, нога в ногу, понимая друг друга мгновенно. Через минуту Ильхам помахал вслед искрящейся снегом колее, оставленной шипованными колёсами машины и, широко расправив плечи, произнёс, словно она могла его слышать:

— Счастливого пути, Алиса. Танатерос будут гордиться тобой.

Глава 8. Оживление Алисы

Операционная была белая и равнодушная. Сквозь стеклянный купол далёкого потолка лениво просачивался серенький тусклый свет то ли утра, то ли вечера, а может быть и дня — только об этом сейчас никто не задумывался. Жадные лапы дождя любознательно щупали окна, растекались по стенам и безвольно падали вниз, как будто дождь внезапно терял силы. Где-то на западе разрывался от натуги буксир, пытаясь протащить за собой неповоротливую махину океанического лайнера — и воздух оглашался протяжным мычанием хриплого страдающего гудка. Отразившись несколько раз от морской поверхности, гудок привычно материализовался в дрожащей мороси и в виде гигантской чайки стал лихорадочно слоняться над просторами широкой акватории.

В доках лениво курили рабочие, нехотя пробуждаясь от долгой зимней спячки. Изредка в порту раздавались глухие удары кувалды, ещё реже оглушительным визгом наполняла окрестности пила-болгарка, оголтело вгрызаясь в уставший металл. Город с высоты птичьего полёта казался вялым и безжизненным, но из заводских труб уже начинал валить пёстрый дым, а на ледяных телах каналов появлялись долгие трещины. Так наступала неизвестно какая по счёту обречённая городская весна.

В это время на операционный стол грубо швырнули худосочное тело, обезображенное багровыми сгустками запёкшейся крови. Прямо из солнечного сплетения несчастной жертвы нагло торчала толстая короткая стрела.

— Ну и что теперь с ней делать? — угрюмо спросил окружающих самый высокий и черноглазый представитель полиции нравов, смахивая с лица пушистую кисточку, свисающую с тюрбана. Окружающих было человек шесть; все они стояли и молчали, как памятники воинам исламского сопротивления.

— Мне, конечно, её ничуть не жаль, — продолжил высокий, привычным жестом дотрагиваясь до жёсткого оперения стрелы и проверяя, насколько прочно она засела в животе.

— Но Хирург не простит нам, если эта малолетка неожиданно откинется.

— А она разве ещё дышит? Не издевайся, свет души моей Рахмат! — ухмыльнулся тощий хромой коротышка, почти карлик, ковыляя на звонко стучащем об пол протезе в сторону операционного стола. На его абсолютно лысом черепе красовалась искусная татуировка с изображением скорпиона. Внезапно Рахмат со страстным воодушевлением схватил левую руку коротышки и резко прижал её к сонной артерии бездыханной Алисы, да так, что одноногий змеей зашипел от боли.

— У тебя под пальцами пульс. Объяснить, что это значит? — процедил сквозь зубы глава отряда полиции нравов, пристально глядя в глаза недоверчивого подчинённого. Под заскорузлыми пальцами злобного карлика билась едва заметная ниточка жизни, посылая сигнал отчаяния тем, кто ещё мог её заметить. SOS. Спасите наши души.

— Чёрт! Тогда надо идти к Хирургу и докладывать ему о том, что Фрайс чуть не убил фаворитку волосатого зверя, — вздохнул коротышка, выдёргивая ноющую руку из железных клещей Рахмата. Но это было и так понятно: кто, кроме Хирурга сможет совершить чудо и превратить трепещущий кусок мяса обратно в человека? Один из безмолвных блюстителей морального порядка по невидимой команде начальника подошёл к пульта управления и утопил вглубь серую кнопку осторожным, почти благоговейным движением. Что-то внутри допотопного агрегата заклокотало, потом из динамиков пропитым меццо-сопрано проговорили по словам слово «технология», после чего воцарилась напряжённая тишина. И лишь спустя минуту тишину нарушил тихий надломленный голос:

— Сейчас приду.

Алиса сквозь чёрное кружево ресниц видела разноцветные шары. Смотреть было больно. Что-то активно мешало дышать; но хуже всего было то, что голова ничего не помнила и плохо соображала. С трудом разомкнув слипающиеся веки, девчонка обнаружила себя сидящей на ступеньках перед типографией, в тоскливых сумерках, с промокшими ногами и пустым урчащим желудком. При ближайшем рассмотрении железная дверь оказалась запертой, из чего сам собой напрашивался естественный вывод о том, что сегодня воскресенье.

“Во дела!” — подумала Алиса, заглядывая в кривое оконце, залитое обильными дожде-подтёками. В полуподвале было темно и тревожно, как будто под строгими молчаливыми станками скрывался шпион; но кроме ровных стопок будущих книг и беспорядочных гор всевозможного бумажного мусора там ничего не пряталось. Затосковав от неприятного предвкушения завтрашней рабочей суеты, всё как обычно, Алиса сунула руки в карманы и пошла в сторону Сенной площади, пытаясь по дороге определить причину своего отвратительного самочувствия. Ей снился кошмар. Прямо там, на ступеньках, ей приснились одержимые смертью нелюди, и — надо же! — в конце концов, Алиса сама погибла во сне от чёрной острой стрелы, прихватив противное ощущение чуть выше живота обратно в реальную жизнь. “Фу, гадость какая,” — возмутилась она, на всякий случай проверяя, не торчит ли у неё из солнечного сплетения что-нибудь инородное. Проверка завершилась благополучно, и, обрадовавшись этому, девчонка тут же со всего размаха налетела на невесть откуда взявшегося Фрица. Директор типографии согнулся пополам от неожиданности, но на лице его вспыхнула дежурная улыбка. Он свою рабочую силу не особо ценил, видя в сотрудниках лишь ломовых лошадей. Но его отношение к Алисе можно было назвать внимательным и даже почти братским — только из-за того, что она никогда не отказывала и не жаловалась. Ночные заказы, потерянные выходные, тяжёлые сверхурочные, подруга, возьми трубочку и ответь «да».

— Да? — спросила Алиса, неловко пряча в карман отлетевшую от Фрица пуговицу. В её потрёпанных джинсах круглая матовая пуговица чувствовала себя неуютно. Пальто, к которому она была пришита, называлось Boss, потому пуговица гордилась своим высоким происхождением, глядя на мир свысока. Теперь для неё наступила темнота вперемешку с неприятными табачными крошками, и хотелось чихать, и душу наполняло невыносимое отвращение. Но, видимо, людям было глубоко плевать на душевные пуговичные терзания.

— Ты зачем изуродовала мне пальто? — капризно протянул Фриц, изучая дыру с неровными краями в тёмно-сером материале своего дорогого пальто. Алиса даже не подозревала, что он так расстроится из-за мелкой ерунды.

— Я не нарочно, прости. Завтра, как всегда, в восемь? — небрежно спросила она, пытаясь загладить свою вину лёгким налётом равнодушия; Фриц неопределённо пожал плечами и поджал губы, изображая сдержанную грусть. У него болело ушибленное плечо и барахлили лёгкие, а дома его ждали тёплая ванна, и яблочный пирог, и пушистый рыжий кот Яшка, а Алису никто нигде не ждал.

— Завтра работы не будет, можешь идти домой. Но скажи мне, ты где столько времени пропадала? — поинтересовался директор с искренним любопытством. И тут Алиса решила, что с ней явно что-то произошло, раз Фриц упомянул долгий период её отсутствия. «Хоть бы одно малюсенькое воспоминаньице!» — подумала она; но память её зависла, словно компьютер, поражённый вирусом. Вопрос начальника остался без ответа. Алисе вдруг стало невероятно жаль этого неказистого человека, живущего по правилам того же крысиного мира, который окружал и её.

— Я ничего не помню, хоть убей. Наверное, болела, а может, меня похитили и избили, а может, просто сплин напал, ну ты ж меня знаешь. До скорого, — тихо прошелестела девчонка, нетвёрдым шагом направляясь куда подальше. Её шатало и мутило, в солнечном сплетении разбухала зудящая точка, пытаясь просверлить в теле дыру, а в кармане продолжала страдать большая гладкая пуговица.

«Моё любимое развлечение в выходные — наблюдать за людьми в маленьком кафе по вечерам. За разноцветными стёклами красивых витражей может бесноваться всё, что угодно: тропический ливень, снежная буря, ураган, но мне обычно не до этого. Около распахнутых настежь дверей кафе целыми днями околачивается стайка малолеток, пытающихся жить так же бессмысленно, как и я. Но они даже на одну сотую процента не подозревают, что я чувствую, потеряв родителей и себя саму, чёртовы беспризорники! Естественно, что, заполучив в спутницы жизни двух выживших из ума старух и голодную крысу, я решила поиздеваться над ними всеми. Ну, кроме зверёныша Азули, конечно.

Сижу в углу, пью горький кофе, напоминающий на вкус нефть или нафталин. Ни первое, ни второе толком на вкус, конечно, не представляю, но ощущение то ещё. Вокруг бурлит цветное кино, густой сигаретный дым разрезается волнующим профилем стремительного официанта. Бравый подтянутый парень, который мне дико нравится, но я ему ничего об этом говорить не буду. Он немножко похож на моряка, а ещё чуть-чуть на парусник. Боже мой, когда же я найду Его, уже сил никаких нет искать, но надо, надо, ведь это и есть новая цель моего глупого существования. И если я найду Его, что-то встанет на своё место. Фриц говорил мне однажды, что так я пытаюсь вернуть счастливое детство; но я же не такая наивная, как думает Фриц, потому что знаю, что этого не вернуть никогда. Вон, как целуется крашенная белобрысая кукла с красавчиком-официантом, таким девкам всегда везёт, как похотливым дворовым кошкам. Но в этих безликих куклах нет болезненного обаяния Алисы, к которой липнут любопытные отбросы общества, и которая никогда не умрёт от скромности, Алисы, у которой тёмные волосы, розовое прошлое, свинцовое настоящее и окровавленная душа».

На Город опустился морозящий вечер, заполонив улочки и проспекты вереницами расплывающихся теней. В операционной на протяжении нескольких часов шла напряжённая борьба: бледный Хирург с внимательными водянистыми глазами выгребал из живота и груди пациентки осколки раздробленного наконечника стрелы. Ему никто не помогал, но никто и не мешал; время от времени он принимался насвистывать однообразную мелодию, потом обрывал её посреди фразы и продолжал сосредоточенно кромсать, долбить и сверлить, будто у Алисы внутри возводилось новое здание. Он не уставал и не останавливался, хотя спешить было, в общем-то, некуда. Гудок, неприкаянно летающий над прозрачной крышей, с испугу ударился о стекло, когда взглянул своими маленькими чайчьиими глазками прямо в лицо Хирурга. Вид вскрытого человеческого тела поверг крылатое существо в шок. Темноту прочертили серебряные острые крылья и где-то внизу раздался чмокающий короткий всплеск.

— Гудки, падающие в обморок от нервного потрясения, восстановлению не подлежат, пора бы тебе это знать, — вздохнул Хирург, крепко затягивая кетгут первого наложенного шва. Пальцы у него едва заметно дрожали, но осталось совсем немного, ещё чуть-чуть. И тут внезапно в гулкой тишине зазвенел телефон. Он звенел громко, настойчиво, даже назойливо, разрывался на части, а потом замолчал. И вот именно в эту секунду Алиса открыла глаза и рывком села на операционном столе; в следующую секунду в её нос впиалась наркозная маска.

— Да подожди ты, нетерпеливая какая! — прорычал Хирург, орудуя миниатюрным подобием паяльника в ловких длинных пальцах. Непослушные швы расходились, нитки держать ткани отказывались, оставался только один вариант: термическая обработка. Коагуляция. Ближе к рассвету зияющая рана остыла и затянулась; Алиса задышала ровнее и спокойнее, хотя всё ещё находилась на грани небытия. Специфическая медицина Города, как говорил Елисей, сработала.

Под ногами Алисиного спасителя, расхаживающего взад-вперёд, шуршали стружки. Хирург задумчиво жевал ржавую медную трубу, веером рассыпая по полу необычные крошки. Когда последний лакомый кусочек трухой просочился сквозь пальцы, человек с белёсыми гла-

зами и волосами цвета спелой ржи последний раз посмотрел на шрам многострадальной пациентки, а потом без оглядки выскользнул из операционной, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 9. Любовь

Крысолов шёл по тёмной длинной аллее, ведущей к Башне Бенгала, и лицо его было необыкновенно задумчиво и сурово. Если бы на лбу у людей могло отражаться хитросплетение мыслей и чувств, то загадочный проводник тотчас оказался бы от уха до уха изрезанным множеством дорог размышлений, основное место в которых занимала Алиса. Удивительные остролисты — осенью бирюзовые, а весной изразцово-синие — нехотя выпустили крупные почки, жирная вязкая грязь под ногами звонко чавкала, а со стороны винтовой лестницы Башни Бенгала тянуло гарью. Но удручённый Крысолов пропускал хмурую весну сквозь свои испачканные кровью пальцы, не замечая окружающих деталей. Мудрая императрица Ра-Хана предсказывала ему эту судьбу. Многоликая правительница очень звонко и заливисто смеялась, когда он пришёл к ней, опустил голову и положил на стол фотографию, где сквозь тёмные, почти чёрные пряди умеренно длинных волос жгучим светом отчаяния сияли глаза одинокого подростка.

— Ты её нашёл наконец-то? — ласково спросила Ра-Хана, ласково поглаживая маленький глянцевого клочок бумаги, словно величайшую драгоценность.

— Я всегда её искал, — хриплым от волнения голосом ответил Крысолов. И это была чистая правда. У него раньше была одна-единственная цель, которой он следовал интуитивно и слепо, но теперь эта цель внезапно приблизилась, а исполнение всех его желаний стало реальным. Только и цель вдруг взяла и раздвоилась. Из-за этого нервы постоянно заводили Крысолова в давно забытые дремучие джунгли человеческого сознания, откуда его однажды выдернуло последнее воплощение в Городе. Он не мог быть просто мужчиной в полном расцвете лет и сил, он был проводником туда и обратно, из жизни в Город и из Города в жизнь. И закон запрещал ему любить.

А всего лишь пару лет назад его угораздило попасть в метро к обречённым; там, на станции, у идущего вниз эскалатора он заметил двоих новеньких. Они стояли, прижавшись друг к другу, заметно волнуясь, и абсолютно не понимали, что с ними произошло. «Муж и жена», — решил Крысолов, считывая с их лиц духовное родство. И хотя эти заблудившиеся люди были внешне разные, глаза их казались совершенно одинаковыми. Женщина переживала тяжело, стремительно вглядывалась в каждого проезжающего мимо, пытаясь высмотреть в толпе кого-то родного и близкого. По мере того, как над ней пролетали вереницы незаметных минут, она постепенно впадала из волнения в тревогу, а затем в панику. Супруг же её пытался хранить спокойствие, однако через полчаса и он, не выдержав, сломался, а на глазах его показались слёзы. Вот именно тогда Крысолов неторопливо вышел из тёмного угла и подкрался к этим двум вновь прибывшим.

— Вы кого-то потеряли? — поинтересовался он, мягко разворачивая их обоих за плечи. Одежда у них была мокрая, словно они недавно побывали в воде.

— Понимаете, мы ехали на машине, — с готовностью утопающего, которому кинули соломинку, начал рассказывать мужчина.

— Мы ехали по мосту, а потом случилась беда: тормоза отказали, или что-то другое, я не успел понять. Последнее, что я помню — полёт в пустоту и река повсюду. Мутная вода, засасывающая в мгновение ока... Больше я ничего не помню.

— Там была наша дочь Алиса, на заднем сиденье, она исчезла! — истеричным свистящим шёпотом произнесла женщина, судорожно хватаясь за жилистую шею Крысолова, отчего сердобольный проводник чуть не задохнулся.

— Успокойтесь, не надо меня душить, — промолвил он и достал из кармана деревянную дудочку. Как ни прискорбно, эти люди нуждались в ритуале прощания. И хотя они до сих пор ничего толком не понимали, медлить было нельзя. Если по центральным слоям Города

уже много лет гремела слава непревзойдённой игры на альте гениальной Такассы, то во всех остальных измерениях и слоях не только Города, но даже за его пределами Крысолову не было равных в искусстве игры на флейте. К тому же вновь прибывшие нуждались в его музыке. Особенно в предстоящий момент осознания того, что они умерли, а вовсе не потеряли в голодной злой Неве дочь Алису — и не потерялись сами. Мелодия, выбранная проводником на этот раз, отличалась скромностью и простотой, но в ней звучала удивительная радость, необъятная и светлая. На дальней стене постоянно движущегося эскалатора начала разворачиваться световая картина, говорящая о том, как после грозы тучи поглощаются солнечными лучами, и как ртутно-серое небо медленно становится огромным чистым аквамарином. Заворожённые, мать и отец лицезрели чудо, синхронно качаясь в такт музыке. С последней нотой на них снизошло озарение.

— Теперь мы всё знаем, — сказал мужчина, утирая слёзы.

— Мы знаем, что это конец для нас, но мы всё равно будем искать её, нашу дочку. Она ни разу не встречалась с жестокой взрослой жизнью лицом к лицу, она может потеряться в любую секунду.

— А почему ты думаешь, что Алиса не утонула вместе с нами? — с едва заметной надеждой спросила женщина, скользя цепким прищуренным взглядом по спинам, растворяющимся во мгле у самого дна метро. Её мозг остановился. Закольцованная, бегущая по кругу тревога сквозила в пристальном взгляде жертвы, не желающей смириться с неизбежностью; вот это-то как раз Крысолову и не понравилось. «Чёрт возьми, пожалуй, они увязнут внизу, в перевёрнутом мире, а оттуда есть только один выход. Ох, Эрман, неужели твоя искорёженная обожжённая рука не дрогнет, когда ты откроешь им дверь наружу?»

Мужчина адаптировался намного быстрее и легче.

— Если бы она погибла, мы бы не расстались. Единственное логичное объяснение её отсутствия — спасение. Во всяком случае, очень хотелось бы в это верить.

— Вы правы, — ободряюще произнёс Крысолов так громко, что пробегающие мимо них тени обернулись на него, зашипели и замахали руками.

— Вы совершенно правы: ваша дочь жива, поэтому не советую искать её, а тем более спускаться вниз. Выходите-ка лучше на поверхность и наслаждайтесь солнечным тёплым вечером, дорогие мои новые сограждане.

Новенькие, казалось бы, восприняли его утешение совершенно искренне, и тут Крысолов на мгновение потерял бдительность, низко поклонившись им в порыве сочувствия. Прошло не больше пяти секунд. Но когда он выпрямился, то увидел, как по ступенькам летящего вниз эскалатора со скоростью ветра мчатся два силуэта, держась за руки. Проводник скривился от ощущения внезапной утраты; глаза его из карих стали сизыми, словно отразили глубоко сидящий хронический недуг, отнимающий то самое олимпийское спокойствие, за которое его уважала императрица Ра-Хана.

— Тогда хотя бы не поддавайтесь отчаянию, — сжав кулаки, процедил сквозь зубы обзолённый Крысолов, впервые за долгие годы провалив важное задание. Если там, в тоннелях метро, родители осиротевшей Алисы поймут, что потеряли обратную дорогу к дочери до скончания веков, если они встретят восставших, которые забьют им голову идеями о революции, то рано или поздно в неприступной Башне Бенгала зажгутся сигнальные зелёные огни. А потом загорятся ростральные колонны на берегу Рубикона, о котором здесь обычно было не принято говорить вслух. Этих прибывших принудительно выпустят за пределы Города, где они потеряют форму и рассеются, словно пыль, по бесконечным космическим далям.

— Я буду следить за ней, — обречённо пообещал Крысолов. Это был единственный выход из положения, потому что тринадцатилетняя девочка-сиротка осталась не только без родителей, но и без надежды увидеться с ними когда-нибудь ещё.

Поле, где начиналась лестница в небо, было затянуто плотным туманом тлеющих торфяников. Местами этот туман сгущался, образуя причудливые плавающие фигуры с очертаниями антикварных крыс и других безымянных демонических созданий. На самой нижней ступеньке, как всегда, сидел безучастный дремлющий Эрман, не обращающий внимания на весенние дымы и испарения уставшей земли.

Кожа его показалась Крысолову в неверном свете дня более сморщенной, чем обычно; шёрстка на голове свалывшейся и жалкой, но оба проводника ощущали по отношению друг к другу глубокое братское родство, ибо были двумя полными противоположностями и, одновременно, близнецами.

— Привет, коллега! — тихо произнёс человек в ухо нелюдю, опускаясь прямо в грязь на корточки, так, как это обычно делала Алиса. Эрман промычал что-то невразумительное, скорчился от внезапной судороги и медленно, со скрипом, распахнул свои огромные радужные глазищи.

— У тебя руки в её крови, да, — сказал он, осторожно дотронувшись своей переломанной кривой лапой до пальцев Крысолова.

— Я её спас. А по-твоему, не надо было? — ожесточился Крысолов, вспоминая, как тяжело ему далась операция, осенённая тишиной и запахом горелой плоти. Эрман протяжно вздохнул и зажмурился, отрицательно качая головой:

— Она сильная, она бы сама справилась. Только теперь она стала совсем, совсем неуловимой.

— Это почему же? — саркастично усмехнулся удивлённый Алисин спаситель, поднимаясь в полный рост.

— Всё очень-очень просто. Девочка получила урок. Она к физической смерти больше стремиться не будет, а будет сторониться её, да. Но ты же ей память вырезал? Ты же ей ни одного воспоминания о прошлом не оставил, стёр колыбельную, спетую Ильхамом на изначальном языке, стёр Астера, стёр его дочь и всех подданных общества танатерос. И даже проблеск истины о разбитом Целом стёр, а что оставил? Желание встретиться с Ним. И жажду мести. А с чего ей вдруг захочется теперь охотиться за Снайпером, да ещё пытаться его убить, когда она даже не будет помнить, кто это? — на одном дыхании произнёс Эрман, намертво вцепившись в витиеватые чугунные перила. Он был настроен очень решительно, и Крысолов отметил про себя, что уже давным-давно не видел беднягу столь взволнованным.

— Ты попал в точку, Эри. В самую суть. Единственная маленькая деталь: это было распоряжение императрицы. И если тебя что-то не устраивает, то будь добр, поднимись наверх и выскажи ей в лицо всё, что думаешь.

Эрман обмяк и ослабил свою бульдожью хватку, за что перила его тихо и застенчиво поблагодарили, ибо им стало больно. Нечеловеку ответить было нечего.

После визита к Ра-Хане Крысолов лежал в ванной своего огромного замка-музея, слушая психоделические напевы группы «Massive Attack». Ничего лучшего для себя он не нашёл и теперь добровольно варился в жёстком хлорированном кипятке, излучая в мир полнейший духовный мрак. В двух галереях, зеркально расположенных прямо за аскетичной спальней с пятиметровыми потолками, мерцал приглушённый свет — там шатались деловитые привидения, протирая своими шикарными драпировками гигантские бутылки с заспиртованным антиквариатом. Рядом же с хозяином дома, на широком бортике раковины сидела послушная ручная крыса Аза, расставшаяся со своей единственной хозяйкой. И вид у этого земного существа был вполне довольный и сытый.

В кипятке расплывались бурые пятна ржавчины, но Крысолов, целиком и полностью поглощённый гипнотическими ритмами песен, не обращал внимания на эту досадную мелочь. Печаль, распространяемая трясинной болотной домашней атмосферы проводника, создавала

вокруг него непробиваемую стену, потому что в памяти его ещё звенели слова Ра-Ханы, произнесённые меньше часа назад. «Теперь Алиса найдёт Его. Скоро».

С одной стороны, Крысолов радовался тому, что страданиям девочки рано или поздно придёт конец, ну раз уж императрица так сказала... С другой стороны, ему хотелось немного затормозить триумфальное восхождение Алисы по параллельным измерениям Города, потому что он боялся расстаться с ней навсегда.

— Love You! — громко пропел Крысолов, закрывая краны. Его кожа стала ярко красной от кипятка, но дело было в ином. Почему-то именно в эту секунду он понял, что это и есть та губительная страсть, то истинно человеческое, непозволительное чувство, от которого ему пришлось отречься ещё в детстве. Тогда проводник буквально схватился за голову и утробно зарычал. Целое продолжало неумолимо распадаться на части. Великий Город был всего-навсего погибающим астральным миром одной вселенной из множества множеств существующих, и Бог этой вселенной не был единым, отражаясь в отчаянных глазах миллионов потерянных душ. Ах, Алиса, ненаглядная моя Алиса, не оступись. От тебя многое зависит, так не подведи, милая странная девочка, мечтающая о невероятном. Раз уж ты здесь.

А напротив мокрого рычащего Крысолова уже стоял невидимка, трясаясь от страха, словно осиновый лист, и у него на губах стыла срочная новость.

Глава 10. Его величество Червь

Если бы грозных представителей полиции нравов спросили хотя бы раз о том, что надоело им больше всего на свете, то ответ их показался бы совершенно нелогичным — работа, работа и ещё раз работа. В то время, как смертники-подпольщики тряслись от животного страха в грязных подворотнях, уже осведомлённые графом Фрайсом о великом побеге любимицы Астера Алисы, главный отряд моралистов Города, возглавляемый строгим принципиальным Рахматом, откровенно валял дурака. Блаженные лица людей неизвестной восточной, а может быть, южной национальности — кто их там разберёт — сияли золотыми зубами, как маленькие солнца. «Сборище заблудившихся солнц», — поэтично сказал бы безносый проходец Елисей, но его в эту минуту благополучно подключили к розетке, как обычного клиента, и он, дёргаясь в судорогах, видел душные электрические грёзы, снова и снова пытаясь забыть Такасу и Алису. Где-то во тьме длинных лабиринтов притона тяжелыми рыданиями исходил зверь Астер. А здесь, в многоэтажном здании управления, где сплетались воедино бетон, металл и стекло, никто не рыдал и не боялся, потому что все эти черноглазые полицейские отмечали первый в своей посмертной жизни выходной день. У каждого из них лежала в ладони запотевшая бутылка тёмного крепкого пива, а в дальнем углу холла мерцал огромный плазменный экран, транслирующий дурацкую карусель из юмористических передач. И всё вокруг было замечательно, если бы не девчонка, валяющаяся в операционной уже двадцать два часа.

— Фидель! — заорал густым басом охмелевший Рахмат, развалившийся прямо на полу напротив экрана. Ответа не последовало.

— Фидеесель!!! — рывкнул он со всей силы, не услышав отклика на первый боевой клич. По холлу тотчас метнулась зигзагом искажённая тень одноногого коротышки. Лысый череп с татуировкой скорпиона на затылке ярко блестел. И на секунду окружающим показалось, что скорпион вовсе не нарисован, не выбит по коже искусным остриём, а сидит там, реальный, живой и опасный, подстерегающий свою очередную жертву.

— Чур меня, чур... — помахал руками Рахмат, внезапно отрезвев.

— Ты пациентку проверял? — спросил он коротышку, склонившегося перед ним с немим вопросом. Тот глубоко и протяжно вздохнул, издав носом тонкий птичий свист, а потом отрицательно мотнул головой:

— Не хочу больше к ней ходить, достала. Пусть Хирург заберёт её в свою Кунсткамеру и замаринует, как крысу! Каждый час к ней заглядываю, но она просто дрыхнет. Лежит и не дышит почти, только пульс чувствуется, а дыхания не слышно и вообще ничего больше не слышно.

— Ты, Филечка, молчи и выполняй. Пей своё любимое пиво, смотри на девиц в телевизоре, отрывайся на полную катушку и не пытайся нарушить ход событий. Нам Хирург что сказал? Беречь её, как зеницу ока, никуда не выпускать, кормить с ложечки, когда очнётся, да сказки ей на ночь рассказывать. Значит, будем кормить и рассказывать. Тем более, у нас сегодня праздник — полдня наша вторая бригада по Городу как угорелая носилась, знаешь? Но никаких нарушений, никаких несчастных случаев, танатерос все затаились, расползлись, по квартирам своим подпольным сидят. Как сверчки на печи. Ни одного инцидента за сутки. Можно отдохнуть, в кои-то веки. У нас же выходных нет, отпусков нет и не было никогда, а ты тут недоволен ещё... Может, эта малявка так на них действует.

На мгновение полицейские застыли с обалдевшими вытянутыми лицами, ибо Рахмат только что произнёс небывало длинную для него речь. Впрочем, их лица такими и остались, и даже побелели вдобавок, потому что на пороге холла вдруг возникла вполне живая Алиса и сипло попросила пить. Кто-то второпях повернул рубильник, залил большой полукруглый зал ослепительным неоновым светом.

— Я не малявка, — спокойно заявила девчонка, успешно воскрешённая Хирургом-Крысоловом после предательства Ильхама. Румянец на её щеках отнюдь не казался болезненным, нормальный такой алый румянец, как два флага на ветру. И вообще: она ли недавно лежала на операционном столе в глубокой коме, с развороченной раной в солнечном сплетении?

— Ничего не понимаю, — пробурчал Фидель, рассматривая Алису злыми глазами-угольками. «Колдовское отродье», — подумал было одноногий, но, увы, ни под одну нравственную статью бывшая любимица лохматого зверя сейчас не попадала, так что, тихо, Филя, заткнись и выполняй приказ старшего по званию, иначе навлечёшь на себя большие неприятности и гнев начальства, а оно тебе надо?

Рахмат в это время уже галантно подносил Алисе высокий узкий стакан, наполненный вишнёвым соком из холодильника, а в свободной руке у него торчала между пальцев шоколадка в жёлтой весёлой обёртке.

«...Они такие забавные! Мне становится немного не по себе, когда они бросают на меня свои колючие быстрые взгляды, но мне нравится их необычный резкий язык, хотя я его не понимаю. Не так давно я дрожала при одном только виде их жуткой фиолетовой процессии, а теперь мы весело смеёмся на невинной вечеринке, радуясь редкой для них роскоши — первому выходному дню! Одно плохо: полицейские не говорят, что со мной произошло, хотя по их недомолвкам и перешёптываниям становятся понятными некоторые детали. Например то, что некий высокопоставленный Хирург спас меня, временно оставив им на попечение. Неплохо. А ещё они, кажется, не знают Крысолова, Эрмана и Ра-Хану. Лишь последнее имя им отдалённо известно, только они никогда не произносят его вслух. Запрещено им, что ли? «Главная, Госпожа», — вот, как её называют здесь; ну, да и ладно. А память меня всё-таки подвела, по голове будто бейсбольной битой дали, да ещё щедро так дали, от всей души. Всплывают в мыслях обрывки образов постылой коммуналки, раскалённый июльский асфальт, незнакомый сантехник, тёмный и мокрый подвал, внезапный побег в мегаполис-где-сбываются-заветные-мечты, лестница в небо и полёт с бортика балкона, где пол выложен мозаичной плиткой. А дальше пустота и мгла. Сон про то, что я вернулась в типографию и встретила Фрица. Дождь. Неприятный запах подгоревшего ужина — откуда он взялся, ума не приложу. Почему обо мне приказано заботиться именно ребятам из полиции нравов, тоже не знаю. И ещё: мне непременно надо найти одного человека в чёрном, который хорошо стреляет, очень, очень метко, и отомстить ему за чем-то, стереть его с лица земли. Снайпер он называется; да, уже хоть что-то, только имя осталось вспомнить, а потом я спрошу их, где его найти. Хотя постойте, ведь его зовут Олег, всего четыре буквы: О-Л-Е-Г. Теперь я поняла, что мне делать дальше»...

— Как ты себя чувствуешь? — мурлыкающим голосом поинтересовался Рахмат, наблюдая, как проголодавшаяся Алиса уплетает шоколадку.

— Ммммугооо... — промычала та в знак благодарности, но брови у неё были нахмурены, а в глазах плескалось что-то недоброе. Кроме чёткого образа человека с винтовкой в дебрях Алисиного подсознания резко и тошнотворно сгустилось вдруг бездонное море тревоги, и оно быстро выходило из берегов. Эта вторая картинка очень сильно беспокоила Алису, наполняя всё её существо паническим ожиданием беды, как если бы она была островом, который неожиданно накрыла волна цунами. Катастрофа случилось быстро и до нелепого внезапно.

— А Снайпер Олег, вы знаете Снайпера по имени Олег? «Он тоже живёт в Городе или...» — пытаясь побороть свой животный страх спросила Алиса, но не успела договорить, потому что без всякого предупреждения мир внезапно взорвался. Пятидесятиэтажный небоскрёб разнесло на части. Рассыпались повсюду каскады острейшего стекла, из множества труб вырвался обжигающий пар под чудовищным давлением. Алису выбросило в коридор взрывной волной, да так резко, что она больно ударилась позвоночником о стену, и, скатившись на горячий линолеум, поползла вперёд, зажмутив глаза. Сквозь грохот, летящие осколки и языки пламени,

подальше от этого безумия, как можно дальше, к выходу, ведь где-то должен тут быть выход на улицу! Чёрные силуэты полицейских заполнили помещения, будто они сами были морем, вышедшим из берегов; они, а вовсе не паника, не тревога и не стихийный ужас с самого дна подсознания. Кто-то бежал, грохоча тяжёлыми армейскими сапогами, кто-то стонал и даже визжал, изнемогая от полученных ран. Люди ретировались из здания не десятками — сотнями, а у лестницы об Алису споткнулся Фидель, и растянулся на полу, а потом подскочил и начал пинать её, надрывая голосовые связки:

— Проклинаю тебя, мерзкая ведьма! Это ты сдала нас всех, это всё из-за тебя!!!

Он бил её без передышки, лупил, куда попало, молотил её железным копытом своего протеза, а потом устал и загромыхал вниз по ступеням, спасая свою жалкую шкуру. Алиса подняла окровавленное лицо к потолку с искрящимися проводами, с провалами шириной в десятки метров, и прошептала, задыхаясь:

— Только попадись мне хотя бы ещё раз, урод!

Потолок, ничего не ответив, медленно и необратимо деформировался, прогнав обессиленную девчонку подальше от опасного места. Только в соседнем коридоре ей удалось перевести дух и осмотреть следы побоёв на своём многострадальном теле; но, как ни странно, никаких следов не было, лишь высоко на животе причудливо изгибался некрасивый запаянный шрам, появившийся явно не от карающих рук Фиделя. «Жгли меня, что ли»? — удивилась Алиса. И тут же с развороченного верха со скрежетом обвалилась часть несущей балки, отчего потолок окончательно просел, а несущая стена наклонилась, выламывая рамы из окон огромным дурным весом. Серии слабых далёких взрывов сменяли друг друга каждые полминуты; где-то рядом захлёбывался короткими нервными очередями автомат. В разрушающемся колоссе не было уже ни души, кроме самой Алисы. Ей ничего больше не оставалось, кроме как осторожно спуститься вниз, и, собрав всю свою ярость, отправиться на поиски кого-нибудь, кто объяснит ей, в конце концов, что вокруг происходит и где обитает Снайпер.

Снаружи царила полная неразбериха. Гомон отчаянных визгливых голосов вертелся вокруг эпицентра взрыва, находящегося за пару кварталов от здания управления. Казалось, там мучается целая толпа пострадавших, которых адский огонь застиг врасплох и превратил в стонущие головешки. Чёрный внедорожник уцелевших блюстителей нравственного порядка маячил у перекрёстка, пытаясь переехать ствол вырванного с корнями дуба, ошестинившегося ветвями прямо посреди дороги. Автоматные очереди ещё немного потарахтели и прекратились, отчего крики страдающих стали громче и требовательнее, но помогать беднякам никто не торопился. Алиса, беспрестанно крутя головой, двинулась в противоположную воплям сторону, держась центра улицы — а кому придёт в голову идиотская идея прятаться сейчас рядом со взрывающимися домами? Ну уж нет, товарищи, здесь вам не воздушная тревога и не летают пока в весенних небесах смертоносные бомбардировщики, так что полный вперёд по трамвайным путям, авось куда-нибудь доведут. Алиса даже развеселилась от этой мысли: а ведь действительно, никак не вязался образ тяжёлых самолётов с лучистой синевой там, наверху. Ну хотя бы сейчас, просто пустынная высота и никаких бомб.

— Бомбы будут, — с уверенностью сказал вдруг внутренний голос, но Алиса запихала его поглубже, а потом замурлыкала любимый блюз, под который так часто играла дома в свои воображаемые игры. Если не считать трёх реанимобилей с синими крестами на бортах, промчавшихся с диким рёвом по встречной (хотя кроме них на дороге никого не наблюдалось), все вокруг будто вымерли. Только за спиной, на сверкающих рельсах, изредка раздавались мягкие шлепки и сопенье, похожие на шаги и дыхание крупного мягкого зверя. Но Алиса, уже привыкшая к странностям Города, шла вперед не оглядываясь, и думала про Крысолова.

В маленькой шестиугольной комнате без окон, в инвалидном кресле, инкрустированном изумрудами, сидел холёный полный человек с золотой цепью на шее. Сидел он очень

смирно и напряжённо вглядывался в шаровидный матовый экран. В самом сердце туманного шара бодро шагало удлинённое изображение трёхмерной фигурки; преувеличенно размахивая руками, фигурка шла по трамвайным путям широкой солнечной улицы, а за ней короткими перебежками охотился крупный светлогривый лев. Лицо наблюдателя сначала окаменело, а затем наоборот порозовело и разгладилось от морщин, ведь только что увиденное показалось ему восхитительным. В кои-то веки избранные личности стали вот так свободно гулять по Городу, да ещё и прямёхонько во владениях великого Червя, главного дирижёра, режиссёра и продюсера музыкального театра «Декаданс»!

— А вот мы её, миленькую, сейчас и поймаааем! — сытым котом проурчал довольный Червь, и, улыбнувшись во весь рот, звонко щёлкнул пальцами. Откуда-то из тьмы выплыла высокая статная женщина с внешностью египетской царицы; безмолвно, словно служанка, склонилась она перед своим повелителем.

— Иди-ка, Васенька, к нашему донжуану-тенору, и попроси его об одном одолжении, соображаешь, о чём я?

— Будет сделано, Учитель, — сдержанно ответила египтянка и вышла вон из комнаты. За ней вылетело несколько блуждающих огней, образуя вокруг её талии мерцающий шлейф, а уже на лестнице эбонитовые глаза красавицы полыхнули негасимым презрением, но только на секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.